

С некоторым опозданием мне в руки попала книга составителя Г.В. Костырченко «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953» (М.: МФД: Материк, 2005), которая уже при беглом просмотре удивила тем, что в ней почти не упоминается Ленинград. Неужели «злодей Сталин» притеснял «несчастных евреев» во всём Советском Союзе, кроме Ленинграда? — подумалось с недоумением.

Внимательное изучение книги всё-таки выявило некоторые ленинградские сюжеты, например, небольшую цепочку архивных документов, свидетельствующих о попытке организовать чистку от евреев ленинградской медицины. Инициатива эта возникла в апреле — мае 1949 года, то есть совпала по времени с началом «Ленинградского дела» (напомню, что постановление Политбюро о снятии с постов Кузнецова, Родионова и Попкова датируется 15-м февраля 1949 года). Само «Ленинградское дело» в книге не отражено, но имена А. Кузнецова и П. Попкова в ней встречаются, причём в связи с тем, что их пытались обвинить в покровительстве евреям: «Секретарь горкома ВКП(б) Попков, подбирая себе и только себе нужных людей и опираясь на поддержку секретаря ЦК ВКП(б) Кузнецова, дошёл до того, что не нашли в Ленинграде никого из русских, чтобы выдвинуть кандидатуру в Верховный

совет РСФСР, и остановились на ненавистной фигуре всем русским — еврее Машанском»².

Эти попытки свидетельствуют о том, что хорошо известно было постоянство сталинской нелюбви к евреям. Дескать, раз не в чем обвинить «ленинградцев», давайте попробуем вменить им связи с евреями: это уж наверняка сработает. Какой-либо особый раздел, посвящённый Ленинграду, в книге Костырченко, повторяю, отсутствует, хотя, скорее всего, есть работы историков, специально рассматривающие «еврейский вопрос» в Ленинграде. Автору этих строк, однако, никакая крупная работа на эту тему не попадалась, отсюда отчасти и эта моя попытка показать данное противостояние на материале ленинградской культуры. Сразу оговорюсь: почти никакими архивными источниками я не пользовался, но, прожив в Ленинграде большую часть жизни, я многое знаю не по бумагам, а, так сказать, из первых уст.

Главной темой статьи станет попытка Григория Васильевича Романова ограничить еврейскую влияние в нашем городе в целом и, в частности, в нашей питерской культуре. Лучше всего мне известно положение в литературе, о которой и поведу речь. Однако вначале закончу разговор о книге Костырченко. Подбор документов в этом сборнике выглядит тенденциозным, а составитель в предисловии и комментариях не скрывает своей горячей любви лишь к одной стороне исследуемой им борьбы, а именно — к евреям. И всё же Костырченко в сборнике не смог проявить свою ангажированность столь же безоглядно, как он делает это в своих авторских работах, например, в книге «Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм» и других. Во-первых, «Государственный антисемитизм» — это именно сборник документов, и, как бы прихотливо они ни перетасовывались, как бы ни сокращались в нужных местах, всё-таки они многое говорят об эпохе. Во-вторых, сборник был выпущен при участии Российской академии наук и под присмотром редколлегии из 15 человек, среди которых я нашёл имена по крайней мере двух серьёзных учёных: академика Евгения Максимовича Примакова и академика Андрея Николаевича Сахарова (директор Института российской истории РАН, член Союза писателей России).

² Костырченко Г.В. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. М.: МФД: Материк, 2005. С. 433.

Само построение книги Костырченко, повторюсь, тенденциозно: он приводит не так уж и много документов, показывающих именно государственный масштаб поражения евреев в правах, зато не жалеет места для жалоб и доносов, написанных самими евреями с целью организовать сопротивление. Заглавие книги тоже кажется автору этих строк двусмысленным: «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации». Если посмотреть формально, то всё правильно: вскоре после возникновения СССР началась и государственная политика отстранения евреев от власти: выдавили из числа руководителей Троцкого... Троцкий был окончательно снят со всех постов и отправлен в ссылку в 1927 году, но Костырченко датирует «начало государственного антисемитизма» почему-то 1938 годом, однако не об этом сейчас речь. Кульминации эта политика, действительно, достигла в «деле врачей», после смерти Сталина пошла на спад. Но Костырченко представляет дело так, будто Сталин, Жданов, Щербаков и другие творили свою политику на пустом месте, а вот это как раз неверно. Они совершенно точно *продолжали* дореволюционную политику защиты государства от евреев; быть может, даже какие-нибудь инструкции царских времён перепечатывались слово в слово (только уже в новой советской орфографии). Имело место никакое не «начало», но продолжение многовековой политики, однако этого Костырченко сказать не может, ибо тогда Сталин и другие были бы продолжателями традиции, а не «новоявленными хулиганами», какими Костырченко пытается их представить.

Между тем, сами же документы книги опровергают подход составителя. В еврейских жалобах и письмах протеста не раз встречается такой логический ход: дескать, я (автор письма) — пожилой человек, помню жизнь при царе и тогдашние антисемитские порядки, а сейчас они, к сожалению, возрождаются, примите, дескать, меры, чтобы этого не происходило. Вот цитата из одного такого письма, датированного февралём 1953 года (сохранён стиль подлинника):

«Ни для кого не секрет, что за последние годы проводится ряд мероприятий антиеврейского характера: не принимают евреев в университеты, не принимают на работу в министерства, выгоняют из ответственных аппаратов правительства и партии, значительно уменьшилось число лауреатов Сталинских премий в области науки, техники и литературы, хотя количество талантливых евреев ничуть не уменьшилось, и это я, как и многие другие рус-

ские интеллигенты, отлично знаем. Как ни прискорбно, но фактом является то, что в СССР введена позорная царская “процентная норма” — правда, неписаная, но действующая и живущая, — об этом знает каждый кадровик в любом учреждении. И это всё делается на фоне Сталинской конституции, на фоне Сталинской дружбы народов и вызывает возмущение всех передовых честных и порядочных советских людей»³.

Итак, «об этом знает каждый кадровик»... Вот это, пожалуй, и есть ключевая фраза для всего сборника Костырченко. И я больше на его книге подробно останавливаться не буду и перейду к тому, что, собственно, «знал каждый кадровик» конкретно в Ленинграде 1970–80 годов.

2

Григорий Васильевич Романов (1923–2008) кажется мне выдающимся деятелем XX века не потому, разумеется, что с ним были знакомы мои родители (трудовую биографию они начинали вместе как корабелы, затем их пути разошлись). Сам я с Романовым знаком не был, хотя слышал о нём многое — да и кто о нём не слышал в те годы?

Сегодня его слова и поступки перевирают всю, о чём пойдёт речь дальше, но вначале — о главном. Возможно, Г.В. Романов — не просто крупная, но великая личность, ибо величие в истории больше всего определяется одним: умением жёстко поставить себя по отношению к евреям. Если ты научился с ними быть суровым — ты *кто-то*, если ты к ним мягок, ты — *никто*, и они первые же тебя наскоро оплюют и забудут. А вот тех, кто проявил к ним бескомпромиссность, они помнят и по-своему чтут, и помнить их гонителей обязаны и представители государственнической идеологии, к которым автор причисляет и себя.

В 1977–82 годах я учился на филологическом факультете ЛГУ им. А.А. Жданова и, как мне кажется, евреев в университете практически не было, ни в числе преподавателей, ни среди студентов. Единственная преподавательница-еврейка, которая вела у нас занятия, Мирра Абрамовна Шерешевская, была штатница — почасовик (она читала спецкурс «Стилистика художественного перевода с английского языка»). Все остальные (штатные) преподаватели моей выпускающей кафедры англий-

³ Костырченко Г.В. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. М.: МФД: Материк, 2005. С. 523.

ской филологии были не евреями. То же касалось подавляющего числа профессоров, читавших общие курсы; правда, среди них всё-таки попадались отдельные личности, о еврействе которых ходили слухи, например, о доценте В.М. Марковиче, читавшем курс «Русская литература первой половины XIX века». Через много лет после того, как я закончил университет, мне сообщали как о сенсации, что Маркович борется за должность зав. кафедрой истории русской литературы: «первый раз в истории университета кафедру истории русской литературы может возглавить еврей». Увы для В.М. Марковича, кафедру эту он возглавить не смог... То же самое касается и другого довольно заметного профессора еврейской национальности, Г.А. Бялого. О его влиятельности и о значении его трудов постоянно говорили его сторонники, и всё-таки заведующим кафедрой он никогда не работал. Эта традиция «большого» университета — или не брать на работу евреев-преподавателей, или не давать им руководящих должностей — удержалась с дореволюционных времён, и некоторые остатки её существуют до наших дней. Для евреев же в Питере имеется своё «гетто»: так называемый «малый» или Педагогический, университет им. Герцена.

То же самое относилось к студентам. Мой одноклассник Александр Шерман, отличник, как и я, не стал подавать документы в ЛГУ, поскольку был предупреждён своими родными, что евреев на вступительных экзаменах заваливают. Шерман уже в десятом классе стал мастером спорта по фехтованию на шпаге и говорил мне, что ему предлагали поступать в ЛГУ через спортивную кафедру, но он, дескать, счёл унижительным зачисление не по основным заслугам, а «с чёрного хода». Того же самого не может забыть нынешний петербургский депутат-яблочник Борис Лазаревич Вишневский (1955 года рождения), который яростно протестовал против установления в 2011 году в нашем городе мемориальной доски в честь Г.В. Романова и обосновывал свой протест так: «Именно Романов лично следил за тем, чтобы граждане с “пятым пунктом” (хорошо знаю по себе!) не допускались к поступлению в Ленинградский университет, а в остальных вузах для них действовала унижительная “процентная норма”»⁴.

⁴ Вишневский Б.Л. «Увековечение Григория Романова — позор для Петербурга». Блоги — Эхо Москвы, 18.05.2011. Источник: https://echo.msk.ru/blog/boris_vis/776099-echo/

Вишневский закончил Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ); этот же вуз, если не ошибаюсь, закончил и упомянутый мой одноклассник Шерман. Евреи всё-таки разными хитрыми путями попадали и в число студентов университета — наверное, те, которые по паспорту были записаны русскими. Например, учившийся со мной в одной группе юноша, чья мать была похожа на еврейку, а отец работал в Балтийском пароходстве одним из замов начальника, был зачислен вначале в военно-морской вуз, а после первого курса отец устроил его перевод на второй курс филфака. Зачисление «по-тихому», т. е. благодаря закулисным связям, было, кажется, более реальным способом для молодых евреев попасть в университет, где на вступительных экзаменах и даже на предварительных собеседованиях их отсекали, как тогда говорили, по принципу «фейс-контроля».

Моя первая жена Светлана Аврахова была русской по бабушке со стороны отца, но её дед по отцу Ефим Аврахов называл себя евреем. Она приехала в Ленинград из Казахстана и, имея золотую медаль, не очень сомневалась в поступлении. Однако её интернационалистский (нерусский) апломб заметили уже на собеседовании на факультете журналистики и документы принять отказались, тогда она подала их на английское отделение филфака. Но на экзамене «золотая медалистка» получила тройки, и в итоге её (не ленинградку) зачислили только на вечернее отделение. Потребовались, опять же, закулисные усилия. Отец её, то есть мой будущий тесть, работал директором крупной горно-обогатительной фабрики в Джезказгане, имел связи с директором расположенного в Ленинграде всесоюзного НИИ «Механобр», тот, в свою очередь, с профильным факультетом университета... В общем, потребовалось создать рабочие места для кого-то из университетских выпускников в обмен на зачисление одной молоденькой полуеврейки. В результате с вечернего отделения ей разрешили перейти на дневное, но в конце учёбы распределение дали одно из худших: учительницей в обычную (даже не английскую) общеобразовательную школу. Это, как они считали, было общей практикой: если юных евреев не удавалось отсечь при поступлении в университет, то в итоге они получали худшее распределение и не имели доступа в аспирантуру в год окончания университета.

Ещё одно свидетельство тех лет от А.Г. Рачкова, сына зам. декана восточного факультета нашего университета. Число студентов-восточников было значительно меньше, чем у нас на

филфаке: у нас около 300 человек на курсе, на востфаке — около ста. И вот, по словам А.Г. Рачкова, на востфаке была квота на одного еврея в год, причём в один год зачисляли юношу, а в следующий девушку. У меня нет причин не верить этому свидетельству, хотя нет и доказательств. Существовало мнение, что всё партийное руководство страной в советское время носило некий полусекретный характер, то есть основные решения принимались партийными органами, но оформлялись либо как постановления «советов депутатов трудящихся», либо как решения учёных советов разных уровней (в вузовской и научной системах).

Я думаю, что и Борис Вишневский, которого я выше процитировал, не имеет доказательств того, о чём он говорит, а именно, того, что якобы «именно Романов лично следил» за недопущением евреев в ЛГУ. Следить-то он следил, но это было не только его «личной» политикой, а государственным принципом, несоблюдение которого превращает великую державу в захудалое местечко со всеми признаками провинциальности.

Далее я бы хотел поговорить в целом о партийном руководстве Ленинградом в позднесоветскую эпоху и для начала раскрыть читателю один из мотивов написания этого очерка.

Как я уже сказал, мои родители были корабелами — как отец, так и мать — и начинали свой трудовой путь вместе с Г.В. Романовым, который поначалу был рядовым техником и инженером-кораблестроителем, но быстро пошёл вверх по партийной линии и в возрасте 47 лет (1970 г.) стал первым секретарём Ленинградского обкома. Ещё двое коллег-кораблестроителей — В.Г. Барков и его супруга Э.В. Баркова — и вовсе олицетворяли живую связь с партийной верхушкой времён «Ленинградского дела». Э.В. Баркова была дочерью Вольдемара Матвеевича Виролайнена (1901–1983). Когда-то этот молодой финский кочегар привёз Ленина на легендарном паровозе, хранящемся на Финляндском вокзале, а после войны стал председателем Совета министров Карело-Финской ССР. Был осуждён по «Ленинградскому делу», но реабилитирован, и в раннем детстве я сживал у него на коленях, а в возрасте около 20 лет заезжал к нему на дачу и вёл уже вполне взрослые разговоры.

Отец мой некоторое время возглавлял партийную организацию одного из кораблестроительных КБ Ленинграда, по-моему, того самого, где работал и Романов. Личной дружбы у них не было, но я хотя бы имею некоторое представление о партийной жизни Ленинграда тех лет. И меня не могут не возмущать некоторые

публикации последнего времени, в которых евреи — прямо скажем — нагло переписывают историю, представляя дело так, будто гонения на них не были системными, а являлись экстравагантными выходками разных «неадекватных» (по их мнению) людей типа того же Г.В. Романова.

Но думаю, что даже теми несколькими эпизодами и судьбами, которым я лично был свидетелем, я достаточно убедительно показал, что недопуск евреев в университет (а возможно, и в другие вузы) был именно системой, давно сложившейся и неплохо работавшей в поздние советские годы. И, хотя я не хотел больше подробно останавливаться на упоминавшейся выше книге Костырченко, я всё-таки приведу ещё две цитаты из неё. Костырченко так характеризует положение, складывавшееся в СССР, начиная со второй половины 1930 годов:

«Новые антиеврейские национально-кадровые веяния в номенклатурных сферах заявили о себе, в частности, тем, что в аппарате ЦК ВКП(б) сначала прекратились кадровые назначения чиновников еврейского происхождения, а потом тех из них, кто уцелел после «большого террора», стали постепенно устранять из аппарата. Внешне всё выглядело вполне благопристойно, ибо обставлялся этот остракизм разными благовидными предложениями и проходил без скандалов, причём с последующим трудоустройством нежелательных в национальном отношении лиц на менее значимые, но достаточно престижные должности в наркоматах и других государственных учреждениях, откуда евреев тоже начнут убирать, но спустя некоторое время»⁵.

И далее: «Аппаратной колыбелью официального антисемитизма явился ведущий в аппарате ЦК ВКП(б) Отдел руководящих партийных органов, преобразованный в 1939 г. в Управление кадров — мощную структуру, своего рода аппаратного монстра, ведавшего назначениями, увольнениями и перемещениями в руководящих слоях советского чиновничества — от наркомов до директоров совхозов. Именно это управление, руководимое Г.М. Маленковым, и выступило в роли генератора государственного антисемитизма в стране. В итоге антисемитизм Сталина и его ближайшего окружения был окончательно “пересажен” на номенклатурную почву, благодаря чему обрёл статус систематической государственной политики»⁶.

⁵ Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 5.

⁶ Костырченко Г.В. Указ. соч. С. 6.

Мне представляется, что остатки этой системы сохранились и после смерти Сталина, да и в постсоветское время. Теперь вернусь к ситуации в Ленинграде в 1970–80 годы в целом.

3

Итак, Г.В. Романов руководил Ленинградским обкомом с 1970 по 1983 год. Уже в 1973 году (в возрасте 50 лет) он становится кандидатом в члены Политбюро, а через три года — членом Политбюро ЦК КПСС.

Сейчас можно прочесть, что приход к власти Горбачёва был якобы крахом для Романова, который уже репетировал роль первого лица в стране. Действительно, Горбачёв, став генсеком, быстро провёл решения об освобождении Романова от должностей члена Политбюро и секретаря ЦК. Но я бы предпочёл иную формулировку: Горбачёв стал в известном смысле ставленником или креатурой Романова; Горбачёв возглавил ту самую «русскую партию» в КПСС, волю которой выражал и Романов.

Это было то, что в теории управления называют «сохранением линии при замене субъекта», хотя в отечественной литературе редко прочитаешь о том, что Горбачёв и Ельцин представляли «русскую партию». Впервые я прочёл об этом у влиятельного западного советолога, Андерса Аслунда, который на рубеже 80–90 годов уверенно говорил о перестройке Горбачёва как именно о победе «русской партии» внутри КПСС. Не сразу, но, вдумавшись, я понял, что западный политолог прав... А вот принадлежность к «русской партии» Путина для меня — под большим вопросом.

Как бы там ни было, но в принадлежности Романова к «русской» или (что, на мой взгляд, одно и то же) к антиссионистской партии, как мне кажется, никто не сомневается. В определённой среде считается, что русский — это тот, кто научился ограничивать в правах еврея; другого определения русскости якобы не изобретено.

Вернусь к Романову. Хотя он и был партийным руководителем, но не ошибёмся, если скажем: 90% времени и усилий он тратил не на политику, а на хозяйственные дела. Развитие ленинградской промышленности и строительство жилья — вот две его главные заботы. Прочитав такое высказывание о нём его однопартийца, коммуниста В. Никифорова: «Тринадцать романовских лет — тех, что он руководил областью и городом, — потом признают самыми успешными в жизни региона за всё двадцатое столетие. При Рома-

нове здесь появится более пятидесяти научно-производственных объединений, будет открыто рекордное количество станций метро, построят знаменитый трактор “Кировец” и ещё более знаменитый ледокол “Арктика”, первым достигший Северного полюса. Запустят Ленинградскую атомную станцию»⁷.

Одно из основных достижений Г. Романова во главе партийной организации Ленинграда — массовое жилищное строительство, позволившее в пятилетку с 1976 по 1980 год обеспечить жильём около миллиона ленинградцев. Это факты. Однако вот высказывания о Романове диссидентствующих оппозиционеров. Уже цитированный Борис Вишневский написал о нём множество очень дурно пахнущих статей, в которых и сам не стесняется в выражениях, и приводит, не заморачиваясь ссылками на источники, мнения своих коллег-сионистов, например, писательницы Нины Катерли, какого-то Вдовина.

По случаю смерти Романова Вишневский прямо-таки фонтанировал злобными высказываниями, для порядка оговариваясь, что о мёртвых, дескать, принято говорить «либо хорошо, либо ничего», но... к политическим деятелям это якобы не относится. Вот цитаты из его статьи на смерть Романова «Апостол застоя» («Новая газета»):

«Григорий Романов был одним из самых одиозных партийных вождей и лично ответственен за множество мерзостей, творимых под его непосредственным руководством и с его высочайшего одобрения»⁸. Это изрекает сам Вишневский, а вот какие слова он приписывает в той же статье писательнице-сионистке Нине Катерли:

«Он был первый антисемит города! — с трудом справляется с возмущением, вызванным славословиями в адрес Романова, писательница Нина Катерли. — Он люто ненавидел и травил всех деятелей культуры, которые “не приспособлялись”. При нём в 1980 году сфабриковали дело писателя и историка Константина Азадовского, который работал заведующим кафедрой иностранных языков в Мухинском училище, — ему и его жене подбросили наркотики и отправили на два года на Колыму (!) за хранение

⁷ Валентин Никифоров (первый секретарь Выборгского райкома партии Ленинграда). «Ушёл из жизни Григорий Романов — коммунист старой закалки». «Вести», интернет-газета, 03.06.2008.

⁸ Вишневский Б.Л. «Апостол застоя». «Новая газета» № 40, 2008: <https://web.archive.org/web/20090408014247/http://www.novayagazeta.spb.ru/2008/40/3/>

“пяти граммов анаши без цели сбыта”. При нём из города были вынуждены уехать Сергей Юрский и Аркадий Райкин. При нём были изгнаны из страны Иосиф Бродский и Сергей Довлатов. А мой муж тогда работал главным инженером завода, но официально его не назначали — потому что с такой фамилией при Романове не назначали в принципе. Ведь Григорий Васильевич заявлял, что “все евреи — это граждане страны — потенциального противника”....».

Вот мнение о Романове либерала Юрия Вдовина: «Это было идеологическое чудовище! Борец за чистоту марксистско-ленинской идеологии. Он лично принимал телевизионные передачи и давал указания, что надо делать — и когда на телевидении перекрывали четвёртый этаж, знали, что приехал Романов. Он запретил появляться на телевидении и радио женщинам в брюках. Он запрещал показывать в Ленинграде фильмы, которые уже шли по всей стране — например, “Рокко и его братья” или “Тридцать три”, но прокатчики ставили их, не объявляя в афишах. И когда в том или ином кинотеатре значилось в программе просто “Художественный фильм” — мы знали, что показывают что-то, не нравящееся Романову. Он велел “никогда не пускать” в Ленинград театр “Современник”. А когда мне говорят, сколько он построил жилья — да, он построил десять миллионов квадратных метров за десять лет, но за это же время население города за счёт лимитчиков выросло на миллион. То есть он завозил в город людей и давал им жильё по десять метров на человека. И именно при нём загнали сотни тысяч людей в общежития, в которых они маются до сих пор. Он сделал так, что весь центр города в коммуналках — потому что в освобождающиеся комнаты заселяли посторонних людей»⁹.

В приведённых цитатах всё поставлено с ног на голову. Мог ли Юрий Вдовин, инженер с техническим образованием, многое знать о закулисной жизни телевидения или театра? Скорее он питался слухами, которые и передаёт. И итальянский фильм «Рокко и его братья», и отечественный «Тридцать три» вышли на экраны ещё в 60-е годы, тогда же произошли и основные баталии по поводу этих фильмов, связывать их с именем Романова некорректно. Откуда Вдовин взял цифру «миллион лимитчиков»? Романов как раз прославился тем, что развивал в городе систему профтехучилищ, чтобы не наводнять Ленинград множеством неквалифицирован-

⁹ Вишневский Б.Л. Там же.

ных рабочих со стороны, но давать рабочие специальности самим ленинградским юношам и девушкам. За это, правда, Романову тоже доставалось от либерастов: дескать, заставлял молодёжь после восьмого класса уходить в ПТУ. Но ведь на этих критиков в любом случае не угодишь.

С именем Романова связаны совсем другие сюжеты из области культуры, которые я сейчас и упомяну. В то время, когда я закончил десятилетку и поступил в университет, в Ленинграде грянул скандал с посадкой в тюрьму певца Сергея Захарова. Вот в этом правильно угадали руку Романова; а значительно позже начали ходить и другие слухи: будто любовницей Романова была певица Людмила Сенчина, чем якобы и объясняется её быстрое восхождение к славе. Возвышение Сенчиной и посадка Захарова произошли примерно в одно и то же время (середина — конец 70-х), и логично было бы предположить, что найдётся какой-то журналист жанра «светской сплетни», который объединит эти три имени: Романов и артисты Захаров (1950–2019) и Сенчина (1950–2018). Действительно, такой «первооткрыватель» нашёлся: журналист в скандальном жанре Фёдор Раззаков.

Раззаков, излагая биографии Захарова и Сенчиной, вначале правильно передаёт факты из биографии Сенчиной, например, указывает, что её первым мужем был артист Вячеслав Тимошин, и в 1974 году у них родился сын. Далее Раззаков пишет: «К моменту рождения сына Сенчина была уже чрезвычайно популярной артисткой советской эстрады. Без её участия редко обходился какой-нибудь концерт по ТВ или по радио, она много гастролировала по стране и за рубежом. Что касается супруга, то про него широкий слушатель ничего не знал. В те годы народная молва вообще считала Сенчину дамой незамужней, но имеющей массу любовников. Например, долгое время она считалась любовницей самого 1-го секретаря Ленинградского обкома партии Григория Романова. По этому поводу сама певица высказывается следующим образом:

“Меня все эти разговоры не раздражают, да и не раздражали никогда. Потому что с Григорием Васильевичем мы виделись всего один раз на каком-то концерте. Действительно, он очень тепло ко мне относился. Он никогда в жизни не уходил сразу после торжественной части, на концертах всегда ждал моего выхода. Когда ему подавали список участников правительственных концертов, и он видел, что меня там нет, то обязательно самолично вписывал мою фамилию. Романов заказывал на телевидении все плёнки с моими песнями. Он и квартиру помог мне получить. Наверное, я ему

нравилась и как женщина. Ну и что с того? Меня всегда окружали какие-то слухи. Позднее поговаривали даже, что мы с Романовым собирались бежать за границу, но в нейтральных водах нас с ним якобы задержали...”

Сенчина действительно очень нравилась Романову, и он, как мог, старался способствовать её успеху на эстраде. А неугодных соперников безжалостно убирал. Так, например, случилось с популярным певцом Сергеем Захаровым, который одно время имел смелость оказывать Сенчиной недвусмысленные знаки внимания. Доигрался — в марте 1977 года его спровоцировали на драку, потом обвинили в хулиганстве и уpekли на год за решётку. Когда он вернулся, ему пришлось начинать свою карьеру на эстраде практически с нуля»¹⁰.

Приношу извинения за эту длинную цитату из книги Ф. Раззакова, но она мне нужна была для того, чтобы чётче отделить собственную тему от писаний из «колонок сплетен». Моя тема в этой статье — государство в связи с духовной культурой; но что же делать, если с государством бывают связаны также и актёры, издревле выражавшие самые глубокие и волнующие людей чувства и мысли? Сенчина и Захаров подвизались в развлекательном жанре, но вспомним, что и Феодора, жена Юстиниана, величайшего из византийских императоров, была в молодости актрисой и даже говорили — проституткой. Вспомним, что и Киров был убит в результате его связи с актрисой Мильдой Драуле: в Кирова и выстрелил отверженный муж этой самой Драуле, офицер-неудачник Николаев. (Правда, занятия Драуле балетом были позже убраны из материалов следствия, и эта женщина фигурировала как «инспектор отдела кадров», т. е. якобы канцелярская работница. Связь Кирова с балериной выглядела бы уж совсем неприглядно для партийного деятеля.)

Разговор об актёрах и актрисах в связи с политиками не только допустим, но и неизбежен, однако надо сразу провести резкую черту, отделяющую серьёзных политиков от несерьёзных. Первые преодолевают интерес к театральным зрелищам и к актрисам, как, надо думать, и Юстиниан помог своей жене Феодоре забыть о её актёрском прошлом. Оставаясь ещё относительно молодой женщиной, супруга императора стала деятельницей религии и покровительницей монастырей.

¹⁰ Раззаков Ф.И. «Биографии звёзд». Цитируется по источнику: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_bibliography/razzakov/7/j86.html

Киров, напротив, сначала получил высокую должность, а уж потом начал увлекаться актрисами, не учтя, что в царские, дореволюционные времена связи с актрисами практиковались людьми высокого положения, но молодого возраста. Для великих князей была допустима и даже предписана связь с балериной, но только до женитьбы, а тех, кто занимался этим в возрасте зрелом, общественное мнение относило к числу людей легковесных.

Короче говоря: никакой связи с Сенчиной — примерно ровесницей его дочери — у Романова не было, хотя Сенчиной было выгодно намекать на это, и никакой связи между делом Захарова и Сенчиной тоже не было. Это были две совершенно разные истории, причём история с Захаровым важнее, и о ней я добавлю ещё несколько слов.

В те годы слухи ходили и в такой версии: «Захарова посадили за драку с ветераном! Звезда эстрады, но ударил какого-то мало влиятельного старичка, однако власть пошла на принцип».

«Власть пошла на принцип» — это было понятно, но возникал вопрос: а кто такой Захаров? Ведь и у молодёжи, и у взрослых было о нём определённое мнение, как всегда оно возникает у публики к новоявленной звезде. И у многих к Захарову сразу возникла неприязнь, которую и я чувствовал, хотя в его песни не слишком вслушивался.

Приведу слова самого Захарова о том уголовном деле (оговорившись, что журналистами «жёлтой прессы» написано об этом деле так много, что отделить правду от вымысла крайне трудно). Цитата:

«Однажды я вместе с друзьями, которых пригласил на концерт, зашёл за пропусками к администратору Мюзик-холла. Мы чуть задержались, до начала представления оставалось полчаса. “Мои артисты все на местах. Вы опоздали, — сказал он. — Я вашим гостям пропуска не выпишу”. И добавил: “Ещё посмотрим, как вы будете работать...” Это было последней каплей. Я взорвался, случилась драка. Досталось и ему, и мне. Как позже выяснилось, он был боксёр, перворазрядник. Мне всё-таки удалось взять пропуска для друзей, и после спектакля мы поднялись в буфет. Следом за нами туда пришёл и администратор. Потасовка продолжилась, в ней уже участвовали мои и его друзья... А на седьмой день мне приходит повестка из милиции. И я узнаю, что тот администратор находится в больнице с “тяжёлыми телесными повреждениями”»¹¹.

¹¹ Источник: <https://web.archive.org/web/20121209065613/http://damirsite.narod.ru/best/zahar.htm>

Главного администратора Мюзик-холла звали Михаил Кудряшов, а насчёт фразы Захарова, что в драке «участвовали мои и его друзья», следует сказать, что певец определённо лукавил. Вскоре после инцидента в журнале «Крокодил» (№17, 1977 г.) появился фельетон Н. Лабковского «Скоропортящийся талант», где произошедшее излагалось ближе к реальным фактам:

«В антракте он (Захаров — А. А.) предложил главному администратору “поговорить на улице” после спектакля. “Не бойся, — сказал он великодушно, — до больницы дело не дойдёт”. Администратор, он же боксёр, не испугался: он не знал, что его будущий противник успел обеспечить себе подмогу. На зов знаменитости уже сбегались дружки: ученик студии мюзик-холла Яковлев, дважды изгонявшийся за пьянки, неистовый меломан Бойко и некий Долбая — бармен одного из ленинградских ресторанов. Все они терпеливо ждали, пока кончится спектакль... Когда же все разошлись и свидетелей не осталось, Кудряшов был приглашён для “разговора”. И здесь при свете луны и звёзд администратор — боксёр сообразил, как он опростоволосился. Он был один, а Сергей Захаров сам-четыре...

...И вот премьер мюзик-холла выходит в ночной переулок. Мстительный, уверенный в себе. Ведь за ним трое. А свидетелей ни одного... Михаил Кудряшов пролежал в больнице около месяца. Медики засвидетельствовали повреждение головы и паха.

— Избиение? Что вы! Просто драка. Один на один! — заявляет Захаров. — Секунданты? Но они только смотрели...

Получается, что пострадавший Кудряшов сам изловчился и нанёс себе повреждение, чтобы бросить тень на доброе имя певца. Получается, что в драке “один на один” боксёр получил серьёзные травмы, тогда как певец отделался лишь лёгкими ссадинами. Любопытно, не правда ли?»¹².

4

Далее речь пойдёт, в основном, о литературе.

Я расскажу о моих собственных первых писательских шагах (в начале 80-х) и о расколе ленинградских литераторов на две партии на рубеже 1980–90-х годов.

Начну с раскола, так как это общее, а не частное.

¹² Цитируется по статье: Ф. Раззаков. Закат звезды вручную (Сергей Захаров). Источник: <https://history.wikireading.ru/72360>

Как это свойственно молодёжи, идеализм которой часто преувеличивают, я тянулся туда, где есть возможность публикаций и литературного успеха, и эта тяга привела меня в семинар Евгения Кутузова и Леонарда Емельянова в Доме писателей на улице Воинова. Впрочем, не отрицая сказанного о прагматизме молодёжи, я добавлю, что склонность к романтизму у молодых людей всё-таки неизбывна, и она нередко подводит, услужливо подставляя самообман о выгоде туда, где есть лишь так называемые «понты».

Сегодня, как я уже сказал, условная либеральная партия переписывает историю, представляя дело так, будто в советские времена именно она всегда была ведущей. «Большинство ленинградских писателей — евреи» и т. д., и т. п. Но вот я пришёл — скажем без экивоков — в самое главное, центральное литературное объединение Ленинграда, и кто же его возглавлял? Люди, пока-

Члены литературного объединения при Союзе писателей СССР, руководимого Е. Кутузовым, 1990 год. Слева направо, первый ряд (сидят): Дмитрий Каралис, Акмурат Широ́в, Евгений Кутузов, Николай Марков-Черанёв, Александр Новиков, Павел Молитвин. Второй ряд слева направо (стоят): Георгий Лебедев, Илья Бояшов, Нина Будылина, Валерий Суров, Вячеслав Шориков, Дмитрий Кузнецов, Владимир Арсеньев, Сергей Фёдоров, Сергей Костромской, Виктор Поповичев, Александр Андриюшкин, Александр Андреев, Елена Анфимова, Елена Грачёва, Сергей Карпущенко

завшиися мне явными «почвенниками», почти не скрывавшие раздражение в адрес евреев, горой стоящие за Романова и опирающиеся на партийное ленинградское издательство «Лениздат».

Чуть ли не на первом посещённом мною заседании Мастерской (так Кутузов называл своё литобъединение) я услышал его слова о том, что Мастерская ежегодно выпускает книгу в твёрдом переплёте: сборник молодых прозаиков «Точка опоры», а также так называемую «первую книгу молодого автора», эта ленинградская позиция прочно закреплена за ними. Простой подсчёт присутствующих в комнате (десять, от силы пятнадцать человек) показал мне, что в сборник я могу попасть уже и на следующий год, что касается первой книги автора, то её могло потребоваться подождать лет десять (если считать себя десятым в очереди), зато к тридцати пяти годам с этой книгой я буду иметь практически гарантию членского билета Союза писателей, а значит — удающуюся жизнь.

Писатель (то есть Евгений Кутузов), способный повлиять на твоё попадание в сборник прозы и, более того, на выход в свет твоей первой книги, сразу показался мне кем-то вроде всесильного бога. Лишь десятилетия спустя я всерьёз задумался о том, что тогдашний «романовский обком» давал людям блага и куда более удивительные, чем первая собственная книжка в мягком переплёте, а именно — неплохие отдельные квартиры, в том числе и в «сталинских» домах. Правда, я таких случаев знаю лишь единицы, зато точно уверен, что квартира получена человеком именно, так сказать, по писательской линии. Вообще говоря, связь квартирного вопроса и членства в Союзе писателей была не эпизодом, а, наоборот, нормой; возможно, для некоторых это и торжество приёма в Союз. «Он живёт в коммуналке; дадим ему писательский билет — начнёт требовать отдельную квартиру». Всё это было совершенно вне сознания 23-летнего молодого человека, для которого главное было — опубликоваться! Такова странная оптика молодости, помогающая увидеть одно, но затемняющая нечто, быть может, и более важное.

Здесь я должен сразу поставить вопрос: а где то самое «еврейское засилье», которое якобы существовало среди литераторов Питера? Увы, оно, действительно, было, хотя и пряталось по углам. Но «углов» этих в сумме, возможно, набиралось больше, чем опекаемых обкомом первых позиций. Например, первая книга молодого автора выпускалась ленинградской редакцией художественной литературы, но были в этом издательстве и другие

редакции (всего аж восемь тематических редакций!), например, по книгам научно-популярным, общественно-политическим, художественно-документальным и т. д. Какой из двух партий — либеральной или почвенной — принадлежали их печатные площади и гонорарный фонд, я не знаю. Имелось ленинградское отделение издательства «Советский писатель», в нём-то, кажется, и гнездились «недобитые троцкисты», которые, конечно, именно себя считали «правящей партией».

Еврейские мемуаристы вспоминают с умилением ленинградское отделение издательства «Детская литература», а в нём какого-то «милейшего толстячка», главреда с русской фамилией не то Тишков, не то Смирнов, который чуть ли не выходил на улицу, чтобы встретить молодого начинающего автора Кацмана и проводить его к себе в кабинет для подписания с ним договора на первую книгу. Но число издательских позиций ограничено, и если, действительно, в «Детлите» публиковались Кацман или Довлатов, то из плана должны были вылететь Иванов или Петров... Впрочем, а был ли этот «милый толстячок»? Я лично его не видел и вполне допускаю, что он — часть мифологии, в создании которой евреи весьма искусны. Так они в своё время (пером Филона Александрийского) переписали историю разрушения Иерусалимского храма, не восстановленного, напомним, до сих пор. «Иудейская война» читается как гимн сплошной череде еврейских военных побед над жалкими римлянами.

5

Как бы там ни было, ситуация в Ленинграде к моменту прихода к власти Горбачёва в 1985 году сложилась запутанная. Имели ли евреи большинство в Ленинградской писательской организации (ЛПО)? Этого, вероятно, никто никогда не сможет определить, поскольку громче всех от их имени выступали не евреи по национальности: например, русский Владимир Кавторин, эстонец Владимир Арро, грек Михаил Чулаки. Если скажут, что евреи раздражали всех своим цыгански-скандальным поведением (создавая видимость того, что их большинство), то и это будет неверным, ибо вожди русской партии всегда вели себя столь же вызывающе, например, всегда нацелен на конфликт был Евгений Кутузов.

Даже такой компромиссный по характеру писатель, как Анатолий Белинский, и тот создал нечто вроде конфликта просто тем, что сделал замечание одному из писателей-евреев. Белинский возглавлял парторганизацию ЛПО в конце 70-х — начале

80-х гг., после этого возглавил редакцию художественной литературы «Лениздата». В «Лениздате» он и попытался укрыться, как в крепости, уйдя от участия в основных конфликтных событиях конца 80-х — начала 90-х. Однако же он оставил интересные воспоминания об этих годах, выходявшие в двух редакциях: «Без гнева, с пристрастием» (СПб, 2013) и «Отзвук времени» (СПб, 2018). Вторая книга разбита на главы; местами она повторяет дословно более раннюю, но местами отличается от неё очень существенно.

Вот что писал А. Белинский во второй из этих книг о начале 80-х годов и о своей работе парторгом ЛПО: «Я не забывал, что моя должность перевыборная, и долго оставаться в этой роли не придётся... Вместе с тем, я искренне верил в правильность учения марксизма-ленинизма и партийную линию, как я её понимал, старался вести честно. Такое моё поведение, думаю, нравилось далеко не всем.

Вот один пример: работой Дома писателя имени Маяковского руководил избранный Совет дома, который планировал проведение всех творческих мероприятий, вечеров встреч, концертов и художественных выставок. За выставки в Совете дома отвечал Семён Борисович Ласкин — прозаик, драматург и киносценарист, который считался знатоком живописи. Ежемесячно в Доме писателя менялись художественные выставки, причём получалось так, что чаще всего художники были авангардистами и большей частью носили еврейские фамилии. В этом не было ничего удивительного, если учесть, что в Ленинградской писательской организации в 1985 году насчитывалось 380 членов Союза, и треть их в своих анкетах в графе национальности писали «еврей»...

И вот я однажды сказал Ласкину:

— Сеня, что у тебя на выставках нет русских художников?

Он подозрительно вскинулся:

— Тебе что, не нравятся эти фамилии?

— Да нет, — говорю, — фамилии нравятся, но ты хотя бы через раз предоставляй залы для русских мастеров.

Не помню, чем у нас окончился этот разговор. Но после этого однажды, возвращаясь из Дома писателя, я встретил на Литейном проспекте знакомого критика, Александра Ильича Рубашкина. Он остановил меня и сказал очень серьёзно:

— Толя, ты ведёшь себя неправильно! Ты это учти! Мы даём тебе ещё год, ты должен исправиться!

— Это ты о чём, Саша? — удивился я. — И кто это такие «мы»?

— Я сказал, а ты сам решай, — сказал он и ушёл.

Я был удивлён тем более, что Александр Рубашкин, которого я знал ещё со времён литобъединения ..., не был коммунистом. Как он мог диктовать мне, каким и сколько времени я должен быть секретарём партийного бюро? А вот, поди ж ты, мог сказать так!

Замечу тут же в скобках: через год состоялись перевыборы партийного бюро, и я покинул партийную должность. Это не могло быть исполнением предсказания Александра Рубашкина: обычная ротация партийных кадров. Однако — совпало...»¹³.

Итак, как видим, многое решала личная смелость того или иного писателя. Захотел Семён Ласкин помочь евреям-художникам, и сделал. Захотел Рубашкин (довольно влиятельный в еврейской среде критик) — ни больше, ни меньше — припугнуть секретаря партбюро — и тоже сделал. Но и почти любой поступок Евгения Кутузова также возмущал писателей-евреев. Валерий Попов в своих воспоминаниях («Плясать до смерти», СПб., 2012) пишет о том, что Кутузов, заняв должность директора Дома писателей, распорядился поменять местоположение бара относительно входных дверей в ресторан. В словах Попова чувствуется сдержанная, но всё-таки ирония: дескать, не было же у начальника других забот, кроме как переносить бар с места на место. Рядом с этим эпизодом Попов приводит другой: как его однажды не пустили в Дом писателя, закрытый в этот день на мероприятие для военных. В этой неестественной, как кажется Попову, дружбе писательского начальства с Ленинградским военным округом он обвиняет не конкретно Кутузова, но неких неназванных «патриотических держиморд». Если верить воспоминаниям Попова, то он не смирился с тем, что его, члена Союза, не пустили в писательский дом, разбил стекло двери и попал в милицию. Ничего о манипуляциях с баром и о разбитом стекле я не знал на тот момент, когда познакомился с Кутузовым в начале 80-х, а в конце 80-х — с Поповым. Но помню, что единственным человеком, которого Кутузов назвал при мне своим личным врагом, был именно Попов. Сидя как-то за столиком в ресторане Дома с Кутузовым, я услышал его откровение на этот счёт: Кутузов указал мне на Попова, сидящего в другом конце зала, и сказал чёткую и краткую фразу: «Это мой враг». Ни переспрашивать, ни что-либо объяснять не требовалось: всё было понятно. Тут я должен переходить к разговору о лично-

¹³ Белинский А.И. Отзвук времени. СПб.: Издательство писателей «Дума», 2018. С. 239–241.

сти Кутузова и о той роли, которую он сыграл в размежевании патриотов и либералов.

Много лет я воспринимал Кутузова лишь как руководителя литобъединения и не более того. Ну да, — думал я, — человек держится с апломбом, изъясняется порой безапелляционно, краткими и очень ёмкими фразами, похожими на формулы, но это всё — просто стиль и манера поведения. У нас в литобъединении говорили, что Кутузов пристрастен к рюмке, но почему-то никогда не вспоминали, что он занимает весьма ответственные посты. Работал собкором «Литературной газеты» по Ленинграду и Северо-Западу, входил в редакционный совет «Лениздата», возглавлял партбюро, секцию прозы Ленинградской писательской организации, был членом её Правления, секретарём... Все эти должности были выборные и временные, на один-два срока, но получалось так, что Кутузов оставался на этих должностях — суммарно — больше, чем кто-либо ещё, и именно Кутузов мог бы в конце 80-х возглавить ЛПО. Не знаю, обсуждалось ли это всерьёз, но, в любом случае, позднегорбачёвские и раннеельцинские встряски смешали все карты.

Как выглядел Кутузов?

Я впервые пришёл на Мастерскую, когда мне было примерно 23–24 года, вполне ещё «зелёным» молодым человеком, хотя я уже

Е. Кутузов в Доме писателя на ул. Воинова, конец 1980 гг.
В центре — прозаик С. Карпущенко.

был женат и даже работал преподавателем вуза (преподавал английский). Кутузову тогда, наверное, было 52, но он уже был совершенно седым и, конечно, показался мне человеком совершенно другого, чуть ли не «сталинского» поколения. Мужчина выше среднего роста, он имел и некоторую склонность к «великанству», то есть чуть большего размера, чем обычно, черты лица, руки... На рабочих мощных руках я заметил татуировки; о манере кратко и властно говорить громким голосом я уже упомянул; добавлю прокуренные чёрные зубы и серый нездоровый цвет лица как бы припадочного человека; с лица этого, почудилось мне, били молнии власти, а сам овал лица представлял громадным, яростно выкаченные глаза маэстро показались мне в поперечнике как гранёные стаканы, и столь же пустыми, странно белёсыми. В общем, это был *большой начальник советской эпохи*; точно такую же роль играл и Борис Ельцин — кстати, они с Кутузовым были почти ровесники, и Ельцин пережил Евгения Васильевича всего на пару лет.

Проза моя Кутузову почему-то не понравилась, или он сделал вид, что её не понимает, а вот когда я сказал ему, что написал статью, он тут же дал мне «пас»:

— Отнеси её к Фоянкову, в «Литературку».

Корпункт «Литературной газеты» занимал две комнаты здесь же в Доме писателей. На следующий день я привёз статью поэту и журналисту Илье Фоянкову, который тогда был спецкором «Литгазеты» по нашему региону. Тот, услышав, что я из семинара Кутузова, статью сразу взял, при мне прочёл, но разругал, зато следующую отправил в номер, и её напечатали: так началась моя карьера литературного критика. Я сам слегка удивился лёгкости, с которой это произошло, но всё объяснилось, когда я узнал, что Кутузов занимал должность собкора «Литературки» до Фоянкова, и Ильи Олегович прислушивался к предшественнику.

Вообще, мои логические и философские тексты я считаю столь же значимыми, как и мою прозу, а вот Кутузова я вижу, прежде всего, прозаиком, никак не публицистом. Увы, журналистская его работа пришлась на то время, когда всё было зажато марксистскими сусловскими колодками, а может быть, я не прав и недооцениваю свободу политического подтекста в 70-е годы.

А вообще-то у Кутузова был яркий газетный талант: он знал, как взять острую тему, хорошо повернуть её в статье и выпустить под хорошим заголовком. Одну его статью в «Литературке» позднегорбачёвских времён я помню. Она называлась примерно так:

«Кто про что, а я насчёт игрушек: самолётиков, мишек и прочих мягких зверушек». На первый взгляд, это была совершенно стандартная и тупая советская статья из категории «Почему нам не наладить производство простейшей дребедени (жевательной резинки, джинсов и т. д.)?» Имелся вариант: «Зачем нам нужна такая дребедень, как жвачка, джинсы и т. д.»

В статье Кутузов называл себя «чадолюбивым и материально обеспеченным дедушкой» и рассказывал, как он якобы ходит по магазинам и не может найти для внука какие-то детские игрушки. Но на самом деле ключевым в статье был заголовок, а в нём слово «мишки» («мишек и прочих мягких зверушек»). Кутузов намекал, что «Мишка» Горбачёв стал мягкой игрушкой в руках людей и обстоятельств. Результат — хаос в лёгкой промышленности и на потребительском рынке; этот бардак Кутузов и разбирает во второй части статьи. Ничего резкого сказано вроде бы не было, но призыв отстранить от власти Горбачёва выглядел между строк так, как если бы они были прозрачными. Так писал статьи Евгений Васильевич Кутузов. Что касается его прозы, то я, как уже сказал, считаю её очень значимой для русской литературы, о ней я пишу ниже.

Реально так получилось, что власть в Ленинградской писательской организации в середине — второй половине 80-х оказалась в руках именно Евгения Кутузова. Я сужу об этом не по чьим-то мемуарам, а по собственным впечатлениям, потому что в это время я начинал печататься и входил в литературу. Формально ЛПО возглавлялась Анатолием Чепуровым, но это был тяжело раненный в войну фронтовик, фактически инвалид, крайне робкий в делах, но, как и многие инвалиды, крайне агрессивный в защите того, что он ошибочно полагал устоями жизни. Незадолго перед развалом СССР Чепурова сменил бывший комсомольский активист в Эстонии Владимир Арро, но это был столь же номинальный лидер, как и Чепуров. Говорили, что реальные решения принимают прозаик Даниил Гранин и поэт Михаил Дудин, ходили слухи также о влиятельности главреда журнала «Нева» Бориса Никольского. Однако настоящую власть — повторюсь — всё больше брал в руки Кутузов, и делал он это, опираясь на свои отчасти реальные, но и сознательно преувеличенные связи с КГБ.

Комитет дал ему квартиру недалеко от Дома писателей на шестом этаже пятиэтажного дома... Я думаю, многим в Питере известна эта милая привычка тогдашних наших органов достраивать для своих людей дополнительную квартиру на самом

верху: делалось это одновременно с установкой в домах лифтовых шахт. В этой просторной квартире на улице Жуковского Кутузову не стыдно было принимать даже и тогдашнего генконсула Китая, с которым он дружил.

Насколько идейным коммунистом был Кутузов, и насколько это мешало ему в сотрудничестве с КГБ? Я не думаю, что сильно мешало, хотя я согласен с появившейся уже в начале XXI века трактовкой горбачёвско-ельцинской смуты как борьбы между партией и КГБ за власть. Обе стороны фактически уже приговорили социализм; речь шла о том, кому владеть собственностью после приватизации: выходцам из партии или из комитета? Ельцин в 1990–91-х годах сделал ставку на КГБ и не прогадал; хотя борьба эта тянулась ещё целые десятилетия. В итоге собственность досталась частично бывшим партийным, частично — бывшим комитетчикам, а частично — появившейся третьей силе, то есть тем, кого в предприниматели толкали сами их гены: потомкам купцов, кулаков, «гостинодворцев».

Вот как прозаик Николай Коняев (1949–2018) вспоминает ту невидимую, но иногда появляющуюся руку КГБ, которую мастерски использовал в своей работе Кутузов. Коняев опубликовал три тома дневников, которые ценны тем, что каждый эпизод имеет датировку. Читаем запись от 21 января 1987 года:

«ВЫСШАЯ МАТЕМАТИКА ДИССИДЕНТСТВА

Сегодня состоялось бюро секции прозы. Рассматривали приёмное дело Павла Кренёва. Я не знал, кто это, но меня удивила запись в анкете: “По решению бюро горкома КПСС призван в армию”. Мне-то всегда казалось, что в армию призывает военкомат и никакого решения бюро горкома для этого не требуется. Евгений Васильевич Кутузов странно посмотрел на меня, когда я рассказал о своём недоумении, но объяснять ничего не стал. Дальше было ещё непонятнее. Как-то очень странно выступили Владимир Кавторин и Михаил Чулаки. Переглядываясь и как бы укрепляя друг друга, они объявили, что не будут голосовать за приём Кренёва в Союз писателей.

Впрочем, удивительным был не смысл выступлений, а пафос их. С таким мученическим выражением можно всходить на эшафот, но выступать по поводу приёма молодого писателя?

Я читал книжку Кренёва, и проза его показалась мне вполне добротной, не уступающей по уровню текстам соискателей, которых мы обычно принимали в СП...

Об этом я и сказал, объявив, что буду голосовать “за”.

Когда проголосовали, выяснилось, что всё бюро проголосовало за приём Павла Кренёва единогласно. По простоте душевной я приписал этот результат своему авторитету, но когда за пьянкой — а мы пили вчетвером: я, Кутузов, Рекшан и сам виновник торжества Павел Кренёв — скромно обратил внимание собутыльников на это обстоятельство, все пришли в необыкновенное веселье.

Оказалось, что Павел Кренёв пишет рассказы в свободное время, а вообще он работает в КГБ, курирует нашу писательскую организацию, и только я один и не знаю об этом.

На следующий день я рассказал о своём открытии Владимиру Кавторину, но тот нисколько не удивился.

— Я знал об этом.

— Так ты поэтому и агитировал голосовать против?!

— Ну, разумеется...

— А почему же потом проголосовал “за”?

— А почему ты решил, что я “за” голосовал?

— Ну, ведь подсчитали голоса... Единогласно было!

— Это кагэбэшные штучки! — отрезал Кавторин. — Они и не такое умеют устраивать...

КГБ, конечно, разные штучки может устроить, но урну с бюллетенями вскрывали у меня на глазах, и я твёрдо знал, что подменить бюллетени было невозможно даже и для КГБ. Да не очень-то и понятно, зачем нужно публично агитировать против сотрудника КГБ, а тайно голосовать “за”. Это какая-то высшая математика современного диссидентства, осилить которую у меня не получается»¹⁴.

Попробую расшифровать здесь ту игру, которую вели Чулаки и Кавторин и вообще так называемые диссиденты. КГБ не был монолитом, разные его отделы следили друг за другом и работали втайне один от другого. Под видом слежки за диссидентами устраивали им «свиту», негласную охрану; помогали успешно выехать за рубеж и там устроиться на денежные должности. Это с одной стороны. С другой, многие диссиденты прозрачно давали понять: они не всерьёз борются с советской властью, но лишь изображают эту борьбу по заданию КГБ. Так это или нет, проверить было невозможно тогда, невозможно и сейчас, ибо на то и секретная служба, чтобы дела её оставались тайной. Коняеву во время

¹⁴ Коняев Н.М. Застигнутые ночью. СПб.: Русский остров, 2011. Также отрывки из этих дневников публиковались в журнале «Север», № 11–12, 2011 г.

записанного им эпизода не было сорока лет, и он в этих тонкостях ещё не разобрался — хотя и Кавторин, и Чулаки были не намного его старше. Но я не буду отвлекаться на диссидентов, так как тема моя — Евгений Кутузов.

Вот как Николай Коняев в уже цитированной книге вспоминает стиль работы Кутузова в выборных органах, запись от 12 января 1989 года:

«САМООПЫЛЕНИЕ.

Сегодня выдвигали на секции прозы кандидатов в правление нашей писательской организации... Перед началом заседания секции подошёл ко мне трезвый, в отутюженном костюме Евгений Васильевич Кутузов и, заговорщицки посмотрев на меня, сказал:

— Предложи мою кандидатуру...

Никаких сомнений в том, что Е.В. Кутузов должен быть в правлении писательской организации, у меня не было, и я кивнул.

Когда началось заседание секции, я предложил внести в список кандидатуру Кутузова. Прошло минуты две, и Володя Рекшан внёс предложение включить в список меня. Следом Кутузов предложил кандидатуру Рекшана...

Вот так и получилось по-русски твёрдо и незамысловато.

Как будто пол-литра на троих раздавили.

А вечером выступал во Дворце молодёжи вместе с Борисом Никольским и Яковом Гординым, и, хотя тут тоже самоопыление присутствовало, но уже никакой простоты не наблюдалось.

Только к концу вечера и сообразил я, что мы не просто так выступаем, а это Борис Николаевич Никольский кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР выдвигается¹⁵.

Итак, с промежутком примерно в два года Коняев записал два эпизода, в которых действовали он, Рекшан и Кутузов. Два молодых по возрасту писателя, то есть Коняев и Рекшан, как раз в это время (если не ошибаюсь, незадолго перед первой из двух записей) резко улучшили свои квартирные условия. Рекшан получил квартиру возле метро «Фрунзенская» в «сталинском» доме и сделал её даже чем-то вроде экспоната для своих друзей рок-музыкантов и писателей. Пригласив в гости, хвастался: «Учитесь жить, ребята! Вот такую квартиру отхватил на халяву!».

Далеко не «на халяву»... Получил он эту квартиру за свой писательский талант, подтверждённый, в том числе, и мнением Кутузова. Я тоже считаю В.О. Рекшана сильным прозаиком в тех

¹⁵ Коняев Н.М. Там же.

повестях, которые он писал как серьёзную прозу; увы, большинство его книг постсоветского времени это либо мемуары о рок-движении, либо остросюжетные бульварные триллеры. Коняев, в отличие от Рекшана, своей квартирой не хвастался, хотя я в ней, как и у Рекшана, бывал не раз. Поговаривали, что она ему тоже досталась через ЛПО после смерти кого-то из писателей, ранее в ней проживающего. И вот приехавший в Ленинград из посёлка Вознесение далеко на северо-востоке Ленинградской области молодой писатель Коняев вдруг получил эту просторную квартиру в центре города возле метро в старом, но крепком кирпичном доме... Да, Коняев был блестяще талантлив не только в прозе, но и в жизни; в самом начале писательской карьеры он сумел убедительно «прогнаться» перед либералами и был допущен на их печатные площадки; он сумел пройти филигранно-точным средним путём, долгое время не показывая, кто он, западник или почвенник. «Западник из деревни» — это ценилось бы на вес золота, но только при одном условии: верности «органам», тому самому всеильному комитету. Возможно, сыграла роль и женитьба Коняева на женщине, о которой ходили слухи, что она не чужда тем самым «органам»... Но я никаких высказываний в «диссидентском» духе от Марины Коняевой ни разу не слышал. Подтвердить же или опровергнуть такую вещь, как связь с «органами», как уже сказано, никогда не было и не будет возможным.

Конечно, некоторые писатели просто бравировали своим так называемым «умением жить», приведу ещё несколько строк из уже цитированной мною книги А. Белинского. «Часто получалось, что одному писателю, такому, скажем, как Виктор Соснора или Михаил Демиденко, несколько раз вручали ключи от новой квартиры (по причине развода со старой женой и в связи с созданием новой семьи), а талантливому поэту Виктору Максиму улучшения жилищных условий пришлось ждать годы и годы»¹⁶.

Виктора Максимова я ставлю в список обязательных для ознакомления авторов (признаюсь: никаких его книг я не читал). С М.И. Демиденко я был шапочно знаком, это был кадровый разведчик из числа балующихся пером. Виктор Соснора играл важнейшую роль «спойлера» в диссидентском движении, за это лишней квартиры совсем не жалко. Я упоминаю все эти факты для того, чтобы подчеркнуть: шла не игра, а борьба, тяжёлая и безжалостная. В этом противостоянии писатели ставили на кон свои

¹⁶ Белинский А.И. Отзвук времени. СПб., 2018. С. 221.

репутации и жизни, и квартиры отнюдь не были самой ценной ставкой.

6

Настало время рассказать о том размежевании, которое произошло среди писателей на излёте перестройки. Пусть читатель не волнуется: я не буду вдаваться во все перипетии организационных игр: ими была наполнена горбачёвская эпоха, особенно в её конце. По всей стране шли заседания и собрания и возникали всё новые «формы общественной жизни».

Внутри ЛПО также создалось несколько полуавтономных писательских объединений. «Содружество» под руководством сильно не любившего евреев Сергея Воронина; диссидентский «Апрель», руководимый Кавториным и Чулаки; Кутузов также создал «Ассоциацию независимых писателей» — я присутствовал на нескольких её заседаниях. В декабре 1989 года от имени Кутузова меня пригласил на первое такое собрание секретарь Мастерской Николай Марков-Черанёв. А вот что написал об «Ассоциации независимых» Николай Коняев всё в той же, уже цитированной книге (запись датирована декабрём 1989 годы без указания числа): «Сегодня собирались в Союзе писателей, чтобы выработать платформу независимых. Независимые — это Элигий Станиславович Ставский, Евгений Васильевич Кутузов, Владимир Дмитриевич Ляленков, Глеб Яковлевич Горбовский, Владимир Михайлович Акимов, Николай Андреевич Внуков, Владимир Егорович Насущенко, Леонард Иванович Емельянов и я...».

Что ж, простим Николаю Коняеву это невинное сокращение количества действующих лиц. На деле в «Ассоциацию» входило гораздо больше писателей, и сама она была заявлена как организация с открытым членством. Но интересно, что рядом с этой записью в дневниках Коняева мы находим другую, от 25 декабря 1989 г.: «Я подумал, что перестройка для меня всё-таки наступила очень вовремя. Может быть, для карьеры и лучше было бы, если бы она сдвинулась на несколько лет в ту или другую сторону, но не карьерой же жив человек... Перестройка помогла не столько моим делам, сколько душе. Совершенно определённо, что я соскальзывал в пропасть, и ещё неизвестно, удастся ли мне выкарабкаться из неё. Хотя ощущение силы, которая может позволить выкарабкаться, появилось...». Думаю, что возникло у Коняева это ощущение силы и надежды как раз в связи с тем движением писателей, которое возглавил Кутузов.

Теперь — мои собственные воспоминания.

Первое большое собрание «Ассоциации независимых писателей» прошло в большом зале Шереметевского дворца, где я уже не раз бывал. Просторное помещение с рядами кресел с синей бархатной обивкой и с белой выпуклой, даже вычурной лепниной стен и потолка. Яркий свет, настроение уже предновогоднее. На собрание пришли многие члены Мастерской молодых писателей, руководство которой от Кутузова уже перешло к Валерию Сурову. Мы должны были представлять «новое литературное поколение», может быть, даже — некую «силовую поддержку». Только что, осенью 1989 года, появился восьмой, предпоследний выпуск того самого ежегодного сборника прозы молодых («Точка опоры»), о котором я услышал чуть ли не на первом же заседании ЛИТО в 1984 году, но в который попал только теперь. Включённый в него рассказ «Полдома в деревне» стал моей первой прозаической публикацией.

Иными словами, я задержался с публикацией года на три, а то и больше? Что ж, бывало, я действовал немного медленнее других и приходил к финишу среди последних в лидирующей группе, однако всё-таки не среди отставших, которые тоже образуют некое сообщество. За это время у нас с женой Светланой родилась и пошла в садик дочь Алина, я неплохо зарабатывал в Торговом порту на сменной работе, которая требовала и знания иностранных языков, и давала свободное время, без которого писатель не может состояться.

В зале Дома писателей перед заседанием меня приветствовал другой автор «Точки опоры», Вячеслав Шориков:

— Саша, ты написал гениальный рассказ!

— Слава, я могу только сказать о твоём рассказе то же самое!

— Отличный ответ! — одобрил Коля Марков-Черанёв, пожилая мне руку.

Тут же из президиума подошёл и Кутузов, поздоровался с нами, как с равными, что меня слегка удивило. У нас с ним года за три до этого произошла почти что ссора, даже почти пьяная драка, и Кутузов меня с тех пор начал не то что тормозить, но — скажем так — не спешил поддерживать. Составлял этот сборник «Точки опоры» уже не он, а, как я уже написал, Валерий Суров, и мне кто-то подыграл: все авторы расположились строго в алфавитном порядке, но с одним нарушением: первым в книге был Андрюшкин, а за ним — Владимир Алексеев.

Началось заседание «Ассоциации независимых». Говорились только политкорректные слова, и, возможно, я не вполне понимал,

что же, собственно, происходит. Художник мыслит немного иначе, чем так называемый сообразительный человек. Мне просто было хорошо сидеть в этом просторном и уютном зале, я думал о том, что декабрь — метельный, что после собрания мы, наверное, спустимся в ресторан, где раздерём горло коньяком или водкой, а может быть, я выберу роль примерного семьянина и вернусь домой к радости жены и матери, которая, кажется, ещё жила с нами, хотя могла уже переехать в новую квартиру в свежестроенной девятиэтажке на Камышовой улице.

Я не знаю, был ли я, действительно, из последних в лидирующей группе или первым в группе аутсайдеров. Да кто тогда понимал, к чему ведёт Горбачёв и чем закончится так называемая перестройка? Чем закончилось это собрание, я точно не помню, но, чтобы не интриговать читателя, вот сразу весь писательский расклад конца 80-х — начала 90-х.

В это время Союз писателей РСФСР (частью которого была ЛПО) занял отчётливо более «правую», «почвенную» и «патриотическую» позицию, чем Горбачёв. В политике будет всё наоборот: Ельцин возглавит РСФСР и повернёт руль круто на Запад, но в литературной среде возобладали те настроения, которые либералы называли «красно-коричневыми». Тон задавала Москва, в Ленинграде диссидентствующие писатели не соглашались, и именно они, то есть ленинградские либералы, вынуждены были вести дело к расколу. Им и хотелось, и боязно было объявить, что ЛПО выходит из Союза писателей РСФСР, общее собрание этого бы не поддержало. Отсюда — обилие боёв местного значения, какие-то крики и комиссии «ни о чём», впрочем, весьма стервозные и скандальные. Кутузов же, наоборот, заинтересован был в том, чтобы всё оставалось как есть, тогда и множество писателей-евреев Ленинграда стали бы просто единичками в армии, ведомой московскими «красно-коричневыми». Кутузову нужно было утопить всё в словоговорении, в бессмысленных бюрократических реорганизациях, в глупых и утомительных собраниях; для него было: «чем хуже — тем лучше».

Именно поэтому я не вижу смысла вспоминать все эти собрания, хотя ради колорита приведу цитату из книги «Открытый ринг» (СПб, 2005) ещё одного современника тех событий — Ивана Ивановича Сабилу, прозаика, возглавившего парторганизацию ЛПО в самом конце 80-х. В приводимой ниже цитате говорится об одном из бессчётных собраний тех лет, хотя дату И. Сабилу не уточняет. Вероятно, речь идёт уже о 1990 году. «Выступающих

было много. Создавалось впечатление, что некоторые писатели не совсем понимают, зачем мы собрались... Но выступления Глеба Горышина и Радия Погодина изменили характер разговора.

— Ныне, — сказал Горышин, — вновь поднимается вопрос об особом статусе ленинградских писателей. Новое руководство нашей организации (Владимир Арро и его группа — А. А.) уже открыто говорит о каком-то размежевании с Союзом писателей России. Мы не хотим раскола. Мы и впредь останемся в составе Союза писателей России, памятуя том, что сегодня, как никогда, было бы кощунственно размежёвываться со своими братьями-россиянами, к какому бы малому или большому народу они ни принадлежали.

А Погодин добавил:

— Мы останемся Ленинградской писательской организацией в составе Союза писателей России, потому что мы никуда из него не выходили. Это “Апрель” выделился. “Апрель” — политическая организация внутри творческого Союза. Это недопустимо.

Собрание подошло к концу. Оно признало необходимым избрать нового руководителя Ленинградской писательской организации. Все сошлись во мнении, что Арро более не представляет нас, а представляет чуждый нам “Апрель”.

Радий Погодин посмотрел на меня и предложил мою кандидатуру. Он сказал:

— У нас есть потенциальный руководитель, у которого слово никогда не расходилось с делом.

Я услышал слова поддержки. Но я тут же отказался, заявив, что перехожу в “Новый журнал” и просто физически не способен буду заниматься писательской организацией.

— Сабило прав, — поддержал меня Евгений Кутузов. — Работать в журнале и возглавлять писателей — дело сложное, почти невозможное. Писательскую организацию мог бы возглавить я, если на то будет ваша воля.

Кто-то усмехнулся. А кто-то согласился, что Кутузов — человек опытный, руководил корпунктом “Литературной газеты” и секцией прозы, так что справится.

Я решил поддержать Кутузова, но не безусловно, с одним весьма существенным уточнением.

— Мне кажется, — сказал я, — Евгению Васильевичу можно доверить руководство, но при одном условии: если он здесь и сейчас торжественно заявит, что впредь отказывается от спиртного. По крайней мере, на работе.

В зале засмеялись, кто-то вспомнил верблюда, которому легче пролезть в игольное ушко, чем Кутузову отказаться от выпивки. Ждали, что скажет Кутузов. А Кутузов вдруг сказал, что он никогда особенно не держался за выпивку, и, если понадобится, он может с ней навсегда завязать. На том и порешили. И проголосовали за Кутузова.

Поставили в известность Владимира Арро и его секретарей, что мы остаёмся Ленинградской писательской организацией и что нам необходимы помещения в Доме писателя для нашей работы.

Возражений не последовало. Мы тогда ещё не знали, что Арро и его единомышленники задумали большую аферу, в результате которой, как выяснится потом, мы лишимся нашего Дома и окажемся на пепелище»¹⁷.

В последней фразе И. Сабилу фактически намекает, что Дом писателя (Шереметевский дворец) в 1993 году сожгли именно люди Владимира Арро. Вопрос этот, вообще-то, тёмный, расследование виновных не нашло. Но я сейчас хочу привлечь внимание к другому — к пьянству Кутузова, о котором шла речь в приведённом отрывке. Напряжение, в котором находился Кутузов, было громадным, он снимал его водкой. Удвоенная нагрузка создавалась тем, что Кутузов пытался одновременно быть крупным писателем (и это у него получилось!) и руководителем волевого типа, успешным функционером. Ноша, поистине, неподъёмная... Почти никого из тех, чьи имена упоминались выше, я не расцениваю как крупных писателей, а вот Кутузова считаю таковым.

Иван Иванович Сабилу (при моём глубоком уважении к его порядочности и деловым качествам) — всё-таки писатель детский, автор назидательных повестей для подростков. (Исключение составляет его серьёзная книга воспоминаний «Открытый ринг», из которой взята приведённая цитата.) Владимир Арро — автор программных пьес о том, что надо ценить духовные, а не материальные ценности. Кавторин — средненький писатель, из всего массива его прозы удачны лишь несколько коротких рассказов. Горышин и Погодин — тоже прозаики слабые, первый почти не способен был к вымыслу и печатал, в основном, документальные очерки о путешествиях, второй так и не определился, за социализм он или против, за русских или против них; это противоречие сожгло Радия Погодина обострившимся раком. В число писателей значи-

¹⁷ Сабилу И.И. Открытый ринг. СПб.: Издательство писателей «Дума», 2005. С. 552–553.

тельных можно включить разве что Анатолия Белинского и Николая Коняева.

Первый, при среднем уровне таланта, за счёт многократной переделки своих произведений добивался высокого их качества; второй (то есть Коняев), наоборот, почти не перерабатывал свою прозу, писал по вдохновению, но талант его был столь искромётным, что иными его книгами, поистине,

нельзя не зачитаться. Коняев, в сущности, совершил подвиг: он не только перешёл из стана либерального в патриотический (т. е. в «Кутузовскую» организацию), но двинулся ещё дальше: воцерковился, объявил себя православным прозаиком и создал «Ассоциацию православных писателей Санкт-Петербурга». Анатолий Белинский, думаю, останется в нашей литературе романом «Звезда заветная», рассказами и детективными повестями, а Коняев — художественно-документальными исследованиями о репрессиях большевиков против Русской православной церкви и против писателей, такими книгами как «Гибель красных Моисеев», «Священномученик Вениамин», «Время забытых “глухарей”» и другими. В конце концов, и дневники Коняева об эпохе конца XX — начала XXI века весьма читабельны!

Но вот отличие от Кутузова: Коняев и Белинский никогда ничем серьёзным не пытались руководить, они лишь искали возможности писать прозу без помех. Увы, проза в таких условиях получается если не вялая, то чуть-чуть слишком спокойная, успокаивающая. А вот Кутузов — повторюсь — тянул сразу два воза и жил «на разрыв». В последние советские годы он выпустил сборник блестящих повестей «Голубые поезда» (Л., 1986) и два талантливейших романа «Право быть» (Л., 1990) и «Во сне и наяву, или Игра в бирюльки» (Л., 1991).

Роман «Право быть» о крупном руководителе советской эпохи Шумилове (тоже тип сродни Ельцину, как и сам Кутузов). Я думаю, что этот характер Кутузов не смог бы создать, если бы сам не испытал всё напряжение руководящей работы на изломе истории.

Кутузов по духу своему был творцом, художником, а не функционером. Ему должность нужна была как материал для творче-

Анатолий Иванович
Белинский

ства, в отличие от многих других писателей, которым творчество нужно бывает как путь к хорошо оплачиваемой должности. Отсюда срывы Кутузова в запой и то недоверчивое отношение (с оттенком насмешки), которое также передал И. Сабилло в процитированном отрывке.

7

Я не буду стараться вспомнить все мои разговоры и встречи с Кутузовым, хотя о нескольких напишу, но позже.

Сейчас скажу о том *чувстве мировой литературы*, которое у меня тогда было и которое вызывало ко мне интерес и привлекало людей гораздо более опытных, чем я, пожилых, известных. Я закончил филфак, где прослушал курс западной литературы — неужели только это и давало мне чувство, что я знаю мировую культуру неплохо, может быть, даже лучше моих собеседников?

Чувство «мировой души» не даётся выражению, но я попробую поймать его через один случай, бывший в моей жизни. Я уже больше двадцати лет, примерно с 1999 года, веду совместное издательское дело со шведскими партнёрами, до сих пор отправляю им с главпочтамта самые важные письма, иногда бандероли с книгами. За границу можно отправить письмо хоть в самом захудалом почтовом отделении, и даже это вызовет удовлетворение, но насколько же приятнее, когда у тебя примут конверт или пакет сотрудницы главпочтамта, с их особым шиком и опытом! И вот я что-то отправил в Швецию, а может быть, в Нью-Йорк, кажется, это было в субботу утром, и выходил я из почтамта с чувством поистине царя мира, который может движением пальца призвать к себе посла любой, самой отдалённой державы. (Да простит мне читатель это сравнение, но разве мы не на вершине блаженства, когда нас уважительно обслужат?)

Мой вид был столь победителен, что мне навстречу буквально прыгнул восхищённый взгляд очень милой и скромной девушки, стоящей на другой стороне Почтамтской улицы и одетой в странное, длинное до земли, платье. Она была ещё и в гриме и играла роль бедной, но приличной барышни XIX века, и я понял, что снимают фильм.

Невдалеке стояла лошадь-кляча, запряжённая в донельзя обшарпанную пролётку, на козлах сидел кучер в кафтане унылого цвета. Я почему-то подумал, что фильм — халтура, ибо кроме искреннего лица этой девушки зацепиться взглядом было не за что. Поискал и нашёл режиссёра: как бы присыпанный пылью

и такой же затасканный, как кафтан на кучере, мужчина сидел на складном стуле так, будто опасался, что стул под ним вот-вот рухнет. Может, он, и правда, знал истинную цену всему ветхому реквизиту, а также камере на плече оператора, микрофону на палке в руках ассистента по звуку.

Тем не менее, это был фильм, и у девушки-актрисы была своя роль, и у меня хватило такта не влезть в эту сцену. Я бочком ушёл за спину режиссёра, а потом за угол, не оглядываясь. Но её восхищённый взгляд я запомнил, он сказал мне: помимо нашей дешёвки есть и настоящая жизнь, и вот ты, выходящий из дверей почтамта, наверное, её и двигаешь.

Собственно, вот таким — изумлённым и обожающим — был и мой тогдашний взгляд на литературу... Я ничем не рискую, сравнивая себя с этой актрисой, ибо не о половых ролях я веду речь, но о возрасте и о наивности. Мне в 1990 году было тридцать, ей в момент съёмок — лет двадцать пять, но девушки взрослеют быстрее, так что наивность наша вполне сравнима.

Кстати, и роль её вполне допускала некоторую неверность режиссёру и увлекаемость посторонними. Такую же роль отвели себе и многие из нас, молодых людей конца 1980-х. Мы опьянялись чужим, например, западной рок-музыкой, а я тогда просто бредил американской, да и французской литературой. Кутузова и подобных ему это возмущало, но, в то же время, они понимали: увлекающемуся молодому человеку надо вовремя попасться на глаза, и тогда он восхитится тобой, будь уверен! (Как эта актриса восхитилась мной, выходящим из почтамта, хотя понятия не имела, кто я такой и что я делаю в почтамте.)

И вот Кутузов пригласил меня к себе на дачу в Комарово... Зачем — я не мог понять. Вроде бы говорить о моём первом рассказе, вышедшем в «Точке опоры». Стало быть, это уже было лето 1990-го, готовился к печати второй мой рассказ в следующем, девятом, на сей раз последнем сборнике той же «Точки опоры». Ехать мне к нему совершенно не хотелось, и я был, что называется, «никакой». Это позже, через десять лет, я буду ездить к нему в Колпино с чувством громадного напряжения и равенства моего с ним. К тому времени я оценю уже и его прозу, и это будут, действительно, *встречи-поединки*, такие, на которых люди, по большей части, не спорят (хотя, если надо, и спорят), но главное — они полностью осознают, что именно происходит.

А тем летом 1990-го я ни черта не осознавал! Изнывал в душном вагоне, потом ждал в заплёванном тамбуре, пока электрич-

ка остановится у платформы «Комарово». Кажется, я даже не вёз ему никаких рукописей! (Хотя сейчас в это едва могу поверить: всё время ведь начинающие писатели тащат что-то к мэтру.) Главное, — думал, — посмотрю, как живут писатели на этих знаменитых литфондовских дачах.

Этих дач в Комарово всего шесть, каждая на две семьи: имеется общая задняя стенка, но веранды смотрят в противоположные стороны. На одной из этих дач Ахматова принимала своих учеников-поэтов и именовала её «будкой», но мне они показались вполне просторными, и думалось тогда почему-то, что их не шесть, а гораздо больше, как в Переделкине. Под могучими соснами на участках, как правило, никто ничего не сажал: бурая хвоя, сизобелый лишайник и много опавших шишек.

Кутузов принял меня на веранде и почти сразу сказал заготовленную заранее фразу, решительно и с нажимом:

— Может быть человек, который всегда прав!

— Нет, ну как это? — чисто рефлекторно возразил я. — В чём-то даже самые выдающиеся люди правы, в чём-то нет, важно, чтобы число правильных решений перевешивало.

Кутузов молча покачал головой и добавил уже спокойнее:

— Может.

О ком вообще шла речь? Сначала мне показалось, что о Ельцине, но его Кутузов как раз не одобрял. Значит, говорил он о себе: это себя он считал *человеком, который всегда прав*. Вернее, он мог быть таким человеком, а мог быть им кто-то другой, например, из его учеников.

Я постарался увести его от этой, как мне показалось, болезненной для него темы... Кстати, не мне одному Кутузов говорил о «человеке, который всегда прав»; может быть, даже все члены Мастерской удостаивались такого разговора наедине. Вот как об этом вспоминает писатель и профессор, доктор технических наук Александр Фёдорович Новиков, который был всего на десять лет моложе Кутузова, но тоже в некотором смысле считал себя — в прозе — его учеником. Цитирую книгу А.Ф. Новикова: «— Я, — делится опытом Евгений, — пишу рассказ на одном дыхании, в одном настроении. Работаю тогда, когда все строки готовы и уже на пределе. Пишу так скоро, как никто бы не мог написать.

Утомлённая пишущая машинка на тумбочке поодаль молчаливо подтверждает справедливость его слов.

— Хочу написать о человеке, который всегда прав, и показать, как у него всё неправильно.

Это его любимая идея: правота неправого и неправота, казалось бы, правого во всём человека, диалектика добра и зла, жестокости и милосердия. Трагедия собственной семьи в жестокие времена, отображённая в романе — и там же глубинный вопрос: а может быть, это и было нужно тогда?..

— Ну, да, — соглашаюсь, — человек весь соткан из противоречий...»¹⁸.

Как видим, Александру Фёдоровичу Новикову «человек, который всегда прав» был представлен как герой рассказа, то есть как вымысел. Но мне Кутузов сказал об этом как о реальной возможности. Он, впрочем, и всем нам однажды на заседании Мастерской заявил: «Любой из вас может стать мессией!».

Заканчивать фразу не счёл нужным... Это было незадолго перед путчем 1991 года, ему казалось, что ничто ещё не решено и что смелый человек в тогдашней неразберихе может стать не то что вождем — мессией, то есть основателем нового религиозного учения!

Но, по-моему, Горбачёв и Ельцин определились задолго до 1991 года и, хотя и не говорили этого вслух, твёрдо вели дело к замене общинного строя на рыночный. А Кутузов, похоже, верил до конца, что социализм — это не химера.

Я думаю, в нём были еврейские гены, и он чувствовал возможность сразу двух миров. В этом смысле его проза походила на те самые дачи в Комарово: спиной к спине, но два мира, две отдельные семьи, два участка. Кстати, туалет на этих дачах был внутри, вплотную к общей стенке — а как было со слышимостью? До такой степени я комаровский быт не знаю, хотя на этих дачах бывал не раз, и не только у Кутузова.

Что я имею в виду, когда говорю о двух мирах в его прозе? Евгений Кутузов бывал очень традиционным русским человеком в какие-то дни и недели, но в следующие дни и недели — резко нетрадиционным и очень нерусским. Ещё это было похоже на ощущения запойного пьяницы: мир кажется скучным и пресным, когда ты «завязал» и из последних сил держишься, держишься... А потом падаешь в райские объятия алкоголя. Пьяная вселенная чудесна и многокрасочна, но длится это недолго, и вот уже, наоборот, ты отчаянно ищешь выхода из неё, ты всеми силами стараешься *завязать*... И, наконец, преодолеваешь себя, и наступает блаженство трезвости.

¹⁸ Новиков А.Ф. *Художества. Дороги. Братия.* СПб.: АССПИН, 2008. С. 181.

Увы, я свёл всё к физиологии... А Кутузов писал о борьбе идей в высоком смысле, например, повесть «После конца» — о противоречии между провинциальностью и Ленинградом (всемирностью); роман «Вечные хлопоты» — о метании мужчины между женой и любовницей... Красавица показала герою «американские горки» любовного рая, но долг вынудил его вернуться к некрасивой, нелюбимой и скучной жене, с которой он буквально заново учится ходить и говорить, как это делают дети. Потому как — зачем? О чём с ней разговаривать? Озвучивать простейшие наблюдения? «Дождь пошёл. Чайник закипел». Но именно так и положено, и другого не дано, а ту яркую жизнь нужно постараться стереть из памяти.

И повесть «Последний порог» об этом же, а повесть «Пишите письма» — вообще о безумии, в которое впала молодая женщина, когда её бросил молодой человек. Она достраивает некую несуществующую пирожковую, в которой она с её любимым якобы спасалась от дождя, и некую квартиру пожилого чудака, в которой якобы встречается с этим же своим любимым по имени Борис. А тот просто не стал рушить свою семью и бросил героиню этой повести.

Кстати, и в романе «Право быть» есть сумасшедшая женщина: она научилась жить как автомат: убирать в квартире и готовить еду, ей даже можно поручить делать в магазине несложные покупки... Но её настоящий мир выключился, сгорел в результате трагедии во время войны, так что каких-либо мыслей о жизни и ярких чувств она лишена.

Патологии? Как знать; может быть, просто нюансы. Городская жизнь среднего мужчины или женщины — она что, очень наполнена смыслом? Или в ней скорее ценится умение не задумываться и не создавать проблем другим людям?

Я сам чохом тогда отрицал всю советскую систему, таково было моё воспитание. Но у меня были мать и отец, а у Кутузова отца — большого советского начальника — репрессировали, проще говоря — расстреляли, а ему самому не осталось иного выбора кроме как считать, что «так было нужно». Как написал профессор Новиков: «А может быть, это и было нужно тогда?..».

Теперь я резко сменю тему и постараюсь написать о том, чем же меня в то время завораживала американская, британская, французская, словом, — западная литература.

Возможно, причина моей любви (осмелюсь сказать шире: любви всего тогдашнего молодого поколения) к англоязычной культуре заключалась в том, что эта культура не мудрая. Некоторыми своими качествами эта культура соответствует молодости, которая, конечно же, не мудра. Молодёжь какая угодно: хитрая и простодушная, работающая и ленивая, самоуверенная, заносчивая, дьявольски догадливая... Однако можно ли делать столь жестокий вывод («немудрая!») в отношении всей культуры, например, британской, история которой начинается с высадки на Британские острова Юлия Цезаря, что произошло примерно за тысячу лет до того, как мир услышал о Киевской Руси?

Мы, русские, любим с размаха обвинять во всех грехах американцев, англичан, французов... Но по какому праву? Сами-то мы кто такие? Но я и не обвиняю; я (надеюсь, имею на это какое-то право) лишь осторожно намекаю.

В юные годы меня покорила «Векфилдский священник», а также «История Тома Джонса, найдёныша». В этих и подобных им английских книгах XVIII века очень сильно выражена *праведность*, причём не какая-то потусторонняя, а вполне жизненная и земная. Будь честен и трудись; не будь подлецом, а понадобится — дерись, может быть, даже и до смерти. Такая вот прямая и честная жизненная философия; она подкреплялась знанием о том, что британцы построили обширнейшую в мире империю, превосходящую по территории даже СССР. И после потери США в их империи «никогда не заходило солнце», и было забавно рассматривать карты мира середины XX века, на которых английские владения выделялись приятным салатно-зелёным цветом. Больше половины пространства Африки, Австралия, Канада, громадные куски Азии, многочисленные архипелаги... Всё это завоевал небольшой островок, лежащий к северо-западу от Европы.

Конечно, английская литература была бы скучна, если бы сводилась к воспитательному уклону. Уже Шекспир сильно её «поперчил» и «посолил»; есть в английской литературе и мудрость, похожая на библейские книги Иова и Екклесиаста. Но этой литературе плохую службу сослужили переводчики, сделавшие её бешено популярной у юношества. «Тома Соьера» и «Шерлока Холмса», «Гулливера», «Робинзона Крузо», «Войну миров» и «Последнего из могикан» мы читаем в школьные годы... Но в старости мы всегда мягко порицаем то, чем сами же увлекались в юности, а значит, у англоязычной культуры в нашем старшем поколении шансов нет.

Вот, собственно, и почти всё объяснение того, почему я так увлекался тогда Олдосом Хаксли и Апдайком, Иеном Флемингом и Норманом Мейлером, Дос-Пассосом, Фолкнером, Хемингуэем. Я был молод, а эта литература тоже — не для стариков. И что же, на этом я тему всемирной литературы закрываю, добавить мне нечего? Не совсем так.

Я чувствовал себя более приобщённым к мировой культуре, чем Кутузов и чем большинство членов Мастерской, ещё и по той причине, что прочитал всю Библию, точнее говоря, во взрослом состоянии прочёл весь её Ветхий завет (Евангелие прочёл ещё в детстве).

Библию мне подарила жена — одну из тех подпольно доставляемых в СССР книжек, напечатанных на очень тонкой бумаге без выходных данных, лишь с одной мало понятной привязкой: «Библейские общества» и с ещё одной — уже вполне понятной — оговоркой: «Перепечатано с Синодального издания». Вторая оговорка означала, что Библия — православная (как известно, православная и протестантская Библии совпадают, в католической есть ряд отличий). На мой вопрос, откуда взяла Библию, жена отделалась загадочным: «Есть места... Знакомые уступили». Горбачёвская открытость к 1987 году уже зашла достаточно далеко, чтобы я мог, не прячась, читать Библию и в метро по дороге на работу, и обратно, и вообще где бы то ни было, и я проглотил Ветхий завет месяца за два. Характерно, что сама супруга читать эту книгу насквозь, как я, не стала, как бы уступив духовное водительство мужу — но женщины и не нуждаются в чтении книги целиком для того, чтобы понять её дух и направленность.

Как можно было жить без этой книги в советские времена — я себе не могу представить... Да и не жили без неё, где-то находили, изворачивались. Итак, Библию мне подарила жена Светлана, но жену-то выбрал я! Мы с ней нашли друг друга по тому самому «гену всемирности» (назовём это так), который друг в друге почувствовали... А лучше бы его не было, скажу я теперь; но прожитого не вернёшь. Этот «ген», конечно, не оставлял иного выбора кроме как отвергать советскую власть.

Маркс и Ленин тоже были отчасти всемирно мыслящими людьми и цитировали сотни разноязыких авторов, но мы-то могли цитировать только Маркса и Ленина! Я имею в виду диссертации по гуманитарным дисциплинам, где во вводной части должен был быть всего один (редко — больше) абзац, но обязательный, со ссылкой на Маркса и Ленина. Защитить диссертацию со ссылкой

во вступлении на Библию или на какого-либо «немарксистского» автора было невозможно: в том-то и состояла «примета дебилизма» советской идеологии.

Всемирность мышления — это желание такового, не более того. Томас Манн в своей «Тетралогии об Иосифе» наглядно доказал, что достаточно внимательно изучить Ветхий завет (или хотя бы «Пятикнижие Моисеево»), чтобы стать подкованнее любого якобы самого образованного (но не библейски мыслящего) обществоведа в вопросах духовной истории. Пожалуй, даже в «Тетралогии» Томас Манн излишне и слащаво размазывает это своё знание еврейской части Библии, — а вот в двух томах статей, легко доступных в советские времена, он достиг той блестящей точности, которая необходима и достаточна для человека образованного. Слава Богу, что христианская церковь не запретила в своё время Ветхий завет, хотя он ей и противоположен по духу.

Статьи Оруэлла, книги Олдоса Хаксли — вообще все лучшие творения западной словесности — содержали ту же самую установку на всемирность, ту же допустимую в христианских обществах свободу, которые нужны были и тогдашней, и сегодняшней России. Чтобы это понять, не требовалось быть семи пядей во лбу, и большинство советской интеллигенции, да и простого народа это понимало. Потому так единодушно помогли Горбачёву и Ельцину обрушить стены марксистской тюрьмы.

9

Июньским утром 1991 года мне позвонил уже упоминавшийся прозаик Валерий Суров:

— Саша, я из Комарова звоню, по просьбе Елены Александровны, жены Кутузова. Ты ведь рядом с ним живёшь, да?

— Ну... Недалеко, да.

— Ты не мог бы к нему зайти, посмотреть: жив он или нет?

— То есть? А что случилось?

— Да вот, вчера перепил он сильно... Звонил ей весь вечер... Мол, уходит он из жизни! Дверь в квартиру, мол, оставит открытой, телефон оборвёт... Приезжайте, мол, если успеете... Спасать его, типа.

Я не мог понять: шутит Суров или серьёзно? Я слышал, что Кутузов, почти как Есенин, во время запоев попадал в больницу, год назад это случилось и при мне: принял большую дозу снотворного в конце трёхдневной пьянки в Доме творчества Комарова, и его увезли на скорой. Но Суров успокоил:

— Скорее всего, ничего серьёзного. Она говорит, по голосу поняла. Но посмотреть надо, тем более, дверь если настезь... Ты позвони потом, ладно?

Я собрался, доехал до Литейного, оттуда пешком — на Жуковского, где жил Кутузов. Тогда я только что уволился из пароходства, вернее, ушёл в очередной отпуск, после которого брал расчёт. Начал составлять сборник прозы эмигрантов, а для заработка преподавал английский и писал учебник, насчёт которого у меня была назначена встреча в этот день. Я решил, что у Кутузова проведу час и ещё успею на эту встречу.

Дверь квартиры на шестом этаже, действительно, оказалась незапертой. Я включил свет в прихожей: телефонный аппарат на столике выглядел необычно: трубка лежала криво, гудка не было. Захожу в большую комнату, она пуста.

— Евгений Васильевич! Есть кто-нибудь в квартире?

Из кабинета Кутузова слышу какой-то шорох и продолжаю звать:

— Евгений Васильич? Есть кто-нибудь? Это Андрюшкин...

Поскольку ответа не слышу, заглядываю в кабинет, в дальнем конце которого, на узкой кушетке, вижу скомканное ворсистое одеяло без пододеяльника и седую голову Кутузова, которую он поднял и оглядывается на дверь с непонятным, не то страдальческим, не то возмущённым выражением лица.

Он молчит, и говорить вынужден я, объясняю, кто позвонил, о чём сказал...

— Да вот это... Что такое? — я вижу на тумбочке чашку с остатками белесоватой воды и смятую серебристую упаковку от таблеток.

— Оставь! — Кутузов сгрёб таблеточный блистер, который послужил бы скорее уликой к тому, что он не собирался кончать с собой: этих таблеток не хватило бы. — Выйди, пожалуйста! Я оденусь.

Я вышел в большую комнату, оттуда, через прихожую, на кухню, где увидел сразу два перевёрнутых алюминиевых бидона, взял один из них: пригодится за пивом сходить.

Кстати, Кутузов, хотя и попросил меня выйти из его кабинета, не показался мне раздетым, вернее, в нём не было того, что подразумевают женщины, говоря: «Ой, я не одета!» — есть, мол, что-то, чего ни в коем случае нельзя видеть постороннему. А Кутузова я застал таким же образцовым, как всегда; это был тот же Учитель, чьё слово для меня — из важнейших. Кстати, я всегда

в нём видел только чистоту и прозрачность, сходную с детской, точнее — с монашеской. Об этом я размышлял, сидя за столом в кухне, хотя подумывал и о том, чтобы пойти посмотреть, что он там делает. Не наложил бы, и впрямь, на себя руки! Надо было его опекать поплотнее.

— Евгений Васильич! — я вернулся в большую комнату, где он словно бы ждал меня, сидя на диване. — Давайте-ка, возвращайтесь к жизни... Взбодритесь!

— Ты думаешь?

— Конечно! Я вон там бидончик нашёл, сейчас пива принесу...

Кутузов закурил, сел в кухне за стол.

— Не ожидал тебя увидеть!

— Ну что ж... Я ведь рядом живу... Суров сказал: ничего серьёзного, загляни, мол. Сейчас я им позвоню из автомата: телефон ваш сломан...

Я, не рассиживаясь, вышел с бидоном на улицу Жуковского. Хотя ничего телесно стыдного я в Кутузове не заметил, но сама ситуация была для него неловкой, словно я застал его за нечестной игрой. Попытки суицида, и правда, бывают иногда небрежными розыгрышами, но если близкие будут упорно их объявлять таковыми, это может толкнуть на непоправимое. В его многолетнем самоубийственном пьянстве точно не было розыгрыша: это была именно ставка на жизнь, многократный вызов, похожий на русскую рулетку.

Из ближайшего автомата я позвонил по телефону, который дал мне Суров: сейчас не припомню, что это была за точка связи, на самих литфондовских дачах телефонов тогда, по-моему, не было. Тут же, на улице Жуковского, имелся полупустой в этот час пивной бар, где мне налили пива в бидон, и я вернулся к Кутузову. Сам я пива почти не стал пить: деловая встреча мне всё-таки предстояла серьёзная, насчёт учебника. А с Кутузовым в этот день разговора не было никакого. Он был смущён и не мог взять привычного для него тона *обличения на грани смертного надрыва*. Правда, мне сейчас почему-то вспоминается фраза, вроде бы сказанная им в тот самый день: «Арро обвинил меня в идейной подготовке госпереворота».

Но переворот (ГКЧП) состоялся лишь в августе 1991-го, а я описываю июнь того же года. О том, что Кутузов со товарищи «идейно готовили путч», Арро и его группа будут вещать в сентябре — октябре, но, может, и теперь звучали похожие обвинения, так сказать, авансом. Удивляло другое: зачем вообще обращать

внимание на то, что «сказал Арро»? Мало ли кто что заявит? Но для Кутузова услышать в свой адрес обвинения в «госперевороте» или в причастности к таковому было, наверное, делом тогда ещё страшным. Это уже в последнее десятилетие, в колпинский свой период, он будет называть Путина «ушастиком» и утверждать, что «над Ельциным смеётся весь Запад».

Но в тот день 1991 года он, по-моему, ещё *жил при социализме*, а я-то уже понял, что Горбачёв ввёл рыночный строй, сначала под видом «кооперативов». У нас в транспортно-экспедиторской конторе порта (которую около 1990 года передали пароходству) был сменный график работы, удобный мне как писателю и удобный для тех, кто уже при советской власти был занят «левым» или «цеховым» производством и сбытом. По крайней мере, двое из моих коллег по работе в порту в свободное от смен время шили куртки и прочую якобы «импортную» одежду, не столько даже сами шили, сколько организовывали шитьё и сбыт. Как только Горбачёв объявил «кооперативы», они тут же их создали и из порта уволились. Как мне показалось, сделали это точно вовремя, а я думал о себе, что опоздал, а следовательно, и уходить уже из госсектора не имеет смысла. И всё-таки я пересилил себя и тоже уволился, поначалу «в никуда», а потом нашёл работу в кооперативе по преподаванию английского. Всё это я и объяснил Кутузову, рассказав и об учебнике, о котором сейчас ехал заключать договор.

— Да, ты литератор... — сказал он уважительно, хотя совершенно невпопад, ибо настоящий литератор заключал бы договор не на учебник, а на что-нибудь остросюжетно-художественное, к чему я — увы — так и не смог толком приобщиться, а хотел бы.

...Я уехал от Кутузова, чувствуя себя заправским доктором, для которого одно из важных умений — выписать больного чуть раньше, чем тот сам себя почувствует здоровым. Больной должен ощутить риск, а следовательно, прилив сил и понимание, что он сам отвечает за себя. Вот и Кутузов был ещё, конечно, не в здравом рассудке, но кризис-то уже миновал — да и был ли кризис?

Пьянки Кутузова, конечно, стали легендой, и сейчас, когда я это пишу, я узнал, что и прозаик Владимир Рекшан, упоминавшийся мною, тоже публикует ностальгическую прозу. Отрывки его книги в мае 2020 года появились в интернете, и я приведу один из них, касающийся Е.В. Кутузова. Заранее прошу у читателя прощения за ту немного хохмаческую интонацию, с которой пишет Рекшан. На самом деле было не до смеха и в 1991 году, и в те,

ещё вполне советские времена, о которых Рекшан вспоминает следующим образом:

«...Середина восьмидесятых. Жизнь продолжала висеть на волоске. Тут-то и объявили о начале Дней ленинградской литературы в области. Евгений Васильевич Кутузов решил собрать компанию собутыльников и отправиться в Тихвин. Евгений Васильевич, жанровый писатель Валерий Суров, поэт Приходько — широкий, немолодой председатель Клуба молодых литераторов — и я.

Евгений Васильевич объявил начало вакхической гулянки ещё в поезде. Про город Тихвин в итоге я так ничего и не понял. Какие-то библиотеки, хромоногие и кривые литераторы с литрами самогона, какой-то монастырь с украденной иконой и, кажется, композитор Римский-Корсаков... Евгений Васильевич поселился в люксе местной гостиницы, Суров в одноместном, а мы с поэтом Приходько в двухместном — такой табель о рангах. Я рванул в этот Тихвин из хитроумных соображений, рассчитывая поговорить с Евгением Васильевичем подробнее о рецензии, но Евгений Васильевич орал круглые сутки и только на третий вечер возможность поговорить представилась. Дело в том, что рукопись первой книги, пройдя одобрение в семинаре и на конференции молодых авторов, лежала в издательстве “Советский писатель”. На неё уже написали внутреннюю рецензию, утверждая, будто Рекшан совершенный бездарь и бестолочь. Ещё одна такая — и личный апокалипсис. Всё это, понятное дело, никому теперь не интересно, но важно для повествования, как штрих советского времени, о котором идёт речь.

Мы сидели в люксе, и Евгений Васильевич на мгновение устал орать.

— Жизнь — вообще! — сказал я в тишине. — Нет работы, нет денег, семья пропадает. Может, вы напишете рецензию? Вы же меня хвалите в устной форме.

— Ага! — обрадовался Евгений Васильевич и отодвинул бутылку. — А ты не пиши! Если такие сложности.

Человек он нормальный, хитрый, даже добрый алкоголик, щадящий собутыльников, но и любящий здоровый скандал, а для скандала готовый и на словесную провокацию.

— Что значит — не пиши?! — ответил я и бутылку пододвинул себе. — Вы пишете. И я пишу. Рукопись обсуждали? Так в чём дело?

— Если в семье есть нечего, так пойди и укради! — Евгений Васильевич потянулся к бутылке, но я держал её крепко.

— Укради, вашу мать! Может, и в морду кому-нибудь дать?

— А ты и дай. — Евгений Васильевич пьяно провоцировал, как Сталин или Пётр Великий.

Валера Суров делал глаза из-за спины Евгения Васильевича, но меня уже понесло:

— Да и ты тоже!

Я представлял, как сейчас переверну стол, чтоб их дурацкие костюмы облепило салатами, а водка пролилась. Я же разбросаю стулья и уйду, хлопнув дверью. Чёрт с ними, с ней — рецензией, книгой, жизнью и всем остальным...

Тут-то в разговор и влез с миролюбивыми предложениями поэт Приходько, и шизофренический гнев Евгения Васильевича обрушился на него.

— Вон! — Люкс заполнился криком выше ватерлинии. — Чтоб ноги твоей не было в Тихвине через час.

Моментальную и жуткую картину родил мозг: поэт Приходько ползёт, окровавленный, по гостиничному коридору, а его нога курьерским поездом покидает город.

— ...Чтоб ноги твоей не было! Чтоб лица твоего не было!..

Вопль предназначался мне, но достался поэту.

На следующее утро Евгений Васильевич извинялся:

— Прости меня, если сможешь. Хочешь, я встану на колени?

Я нуждался в рецензии, а не в коленях. Я изнемог от Тихвина, так и не узнав его. Опять кривые и колченогие литераторы из местной интеллигенции принесли бутылки...

На слякотном и тёмном вокзале, указуя перстом, словно Кутузов перед Казанским собором, и вопия, будто татаро-монгол, Евгений Васильевич ускорил процесс посадки, и процесс прощания с областью получился хотя и пьяным, но коротким...

Через неделю в издательстве лежала рецензия на рукопись моей книги, в которой её автор характеризовался несомненным талантом, достойным публикации. Колесо издательского процесса сдвинулось с мёртвой точки ожидания. Ожидание стало осмысленным. Ещё пришлось терпеть два долгих с половиной года. Книга была всё-таки напечатана под новый тысяча девятьсот семьдесят седьмой год. Она называлась “Третий закон Ньютона”...

Перестройка — благодное время для гуманитарной интеллигенции. Новые возможности прорастали из-под падающей цензуры. Читательский психоз нарастал. Кто успел напечатать что-либо, когда тиражи в несколько сот тысяч или даже миллион являлись нормой, того уже не забудут. Мне такое удавалось не-

сколько раз. А влияние Евгения Васильевича вдруг сошла на нет. Но он ещё петушился и частенько пивал во дворце Шереметева с видом на Неву. В 1992-м всё рухнуло, Союз писателей разделился, славянофилы и западники совершали взаимные выпады, пытались делить дворцовые помещения. Партия Кутузова проиграла, оккупировав всего две клетушки на третьем этаже. Кутузов проводил пьяные демарши и клял либералов, захвативших графскую роскошь. Но ресторан покуда оставался общим. Затем случился пожар, тогдашний руководитель либералов Михаил Чулаки отказался от дворца...

...Евгений Кутузов в новой гуще не появлялся. Дошли слухи, что он съехал с улицы Жуковского в центре и обитает в городе Колпино. Там он когда-то жил и работал на заводе. После мне позвонили, и я поехал на похороны. А после похорон посидел на поминках в скромной колпинской квартире...»¹⁹.

Итак, «Евгений Васильевич орал круглые сутки». Что имеет в виду Рекшан? Он говорит о той манере Кутузова-мэтра, которая, думаю, как раз и появилась в 80-е годы, когда он возглавил литобъединение и получил в руки хоть какие-то властные рычаги. Я не думаю, что в годы, когда Кутузов сам с трудом пробивался в печать или ездил по заданию «Литературки» брать у кого-то интервью, он чересчур повышал голос. Хотя, конечно, если попадутся покладистые собутыльники, на них «наорать» может и человек, лишённый какой-либо власти.

Эти запои были не «вакхическими гулянками», но бретёрством на грани исключения из партии и изгнания из всех руководящих органов писательской организации. Кутузов изо всех сил тянул за паровозный свисток или, если угодно, дёргал стоп-кран. «Разберитесь, чёрт возьми, что происходит! — таков был смысл этих пьянок. — Писательское сообщество предаёт социализм! И если партия этого не остановит, мы сами (то есть русские) остановим это!»

Так я понимал его послание власть имущим, но, кроме того, мужские пьянки это всегда ещё — и религиозная проповедь (в парадоксальной, якобы циничной форме), и смотр силам той или иной (всегда у мужчин полувоенной) организации. За год или два до описанного мною случая с таблетками я тоже прошёл через по-

¹⁹ Источник: https://zen.yandex.ru/media/vladimir_rekshan/postleningradskoe-vremia-morojenogo-ne-nado-5ecb91e6cfc89b0f36a2e074, а также: https://zen.yandex.ru/media/vladimir_rekshan/postleningradskoe-vremia-o-grustnom-i-smeshnom-5ecb970a30f3950eeeba5bce

добную трёхдневную пьянку в Доме творчества Комарово, она называлась «Семинар молодых писателей России и Украины».

Кутузов тоже тогда занял люкс в комаровском корпусе, в нём мы пили все три дня, почти не выходя, и с приехавшими украинцами *не встретились вообще* и даже не познакомились. «Молодые прозаики» Ленинграда были представлены Андриюшкиным, Сергеем Янсоном (ныне покойным) и только что процитированным мною Владимиром Рекшаном (тогда уже принятым в Союз писателей и получившим квартиру, но ещё не завязавшим с алкоголем). Поэты, публицисты и критики с украинцами, по-моему, общались, но контакты прозаиков Кутузов волевым решением отменил вообще, я лишь с одним из украинских коллег по перу поговорил утром в очереди к пивному ларьку. И тот успел, как пулемётной очередью, выстрелить в меня своей программой: «Украина — великое европейское государство, такое же как Франция или Германия; у Украины есть свой Бетховен в музыке, свой Микеланджело в живописи и свои Бальзак и Шекспир в литературе».

Если бы не Кутузов, то эту программу мы вынуждены были бы слушать в течение трёх дней... И ещё вопрос — ответили бы мы чем-то столь же сильным или пережёвывали бы всё тот же призыв: «давайте жить дружно».

Однажды утром (в ходе того трёхдневного семинара) на автобусе-«пазике» мы ездили из Комарова в Дом писателя на Воинова, там проходило очередное собрание верхушки Ленинградской писательской организации, и Кутузов должен был выступить. Вечером опять собрались в Комарово в кутузовском люксе... Но я уже сказал, что не буду пересказывать ступени этого размежевания ЛПО. Что произошло в 1990-м, 1991-м, 1992-м годах... Перескочу сразу в колпинский, то есть последний период жизни Кутузова.

Свою жилплощадь на Жуковского он оставил сыну с невесткой и внукам, а сам занял квартиру в Колпино, тоже на верхнем этаже, хотя на сей раз без арифметических парадоксов, а просто на четвёртом этаже четырёхэтажного дома.

Как и весь Союз писателей России со штабом в Москве, петербургское его отделение постепенно превратилось в боевую и сплочённую организацию. Кутузов перестал ею руководить в конце 90-х, причём не просто ушёл в отставку, но инсценировал переворот, подобный тому, который произошёл в 1964 году в КПСС. (Я не поверю, кстати, что человек с ядерным чемоданчиком — Хрущёв — не знал о том, что против него готовят, и скорее склоняюсь к мысли, что Хрущёв сам посадил Брежнева на своё

место в качестве продолжателя, а не Брежнев отправил его в отставку против воли.)

Вот и «захват власти» Иваном Сабило, Николаем Коняевым и Александром Скоковым²⁰ выглядел акцией, больше нужной самому Кутузову и петербургскому отделению СП России, чем этой тройке, якобы победно отстранившей Кутузова. Тот всё чаще болел, измучился, и ему всё труднее становилось изображать вождя с громадными, хотя и не сразу заметными возможностями. И Кутузов сыграл в поддавки с более молодыми и алчущими власти. Но я свидетельствую: до самой своей смерти в 2005 году он оставался интеллектуально проницателен и активен, хотя бы в пределах Колпина, где вёл литературное объединение и издавал «Колпинский альманах».

70-летний юбилей Кутузова в 2002 году тоже справили достойно, даже, вроде бы, не один день отмечали. Мы с А.Ф. Новиковым приехали только на один вечер, в колпинскую квартиру Кутузова. Я тогда спиртного не пил совсем, поэтому и ушёл довольно рано, и в бурном веселье не мог участвовать — да бурным вечер и не был, хотя, в общем, весёлым.

Кутузов в последние десять лет своей жизни — повторюсь — ничего существенного не написал. И никаких попыток уклониться с твёрдо избранного прямого пути я у него не замечал. Это был путь к *русскому делу*, к русскому будущему, и точка. Я и сам в те последние годы жизни Кутузова отчаялся найти общий язык с издателями и, можно сказать, тоже прекратил писать. Моим вкладом в русское дело были попытки выковать мост между Россией и исламским миром; я организовывал встречи отечественных пи-

Е. Кутузов и А. Андрюшкин.
Колпино, 2002 г.

²⁰ И. Сабило, Н. Коняев и А. Скоков — учредители Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. *Прим. ред.*

сателлей с иранскими и арабскими коллегами, учил фарси, а потом и арабский, который напрасно считают нечеловечески трудной абракадаброй. По-своему, арабский — столь же удобный и упрощённый язык международного общения, как и английский.

В двух последних романах Кутузова социалистическую тему всё-таки перевесила тема русская, и вот каким образом. Начну с последнего его романа, «Во сне и наяву, или Игра в бирюльки» (1991). В этом романе содержится то, что можно назвать *гаммой идей* или даже *системой гамм*. Без метафизических нагромождений, но отчётливо.

Мальчик растёт без отца, и в его жизни каким-то образом присутствует женская баня. Наверное, мама с собой брала... Присутствует множество женских глаз, щупающих мальчишескую фигурку; некоторые делают это весьма умело. Таков один край спектра, а вот другой, противоположный. Мама с мальчиком во время войны попадает из Ленинграда в эвакуацию, где хотела бы работать, как мы сейчас говорим, «в офисе». Но она приглянулась мужичку с лошадьёю и санями, который и увозит её и сына в далёкую лесную глушь, где этот мужик (оказывается, председатель колхоза) — единственная власть. Страшная, своевольная, изуверская власть! Глубинка, и русский мужик без закона и порядка... Таков другой конец спектра, пожалуй, являющий собой идейную кульминацию и романа, и всего творчества Кутузова.

Следующее добавляю от себя, у Кутузова этого впрямую нигде нет. Если мы, русские, по-настоящему возьмём в мире власть — вот мы потешимся над остальными человечками, вот мы поизуверствуем над ними! Об Освенцимах будут плакать как о потерянном рае... Прошу прощения за этот выплеск... Наболело, настрадалась душа; слишком унижают русских в мире, за это, безусловно, будет какое-то возмещение. Не потому, что среди русских много извергов, а потому, что действие всегда рождает противодействие.

...От крайностей матриархата до жесточайшего патриархата, такова гамма идей романа, об этом говорит первая часть его названия, «Во сне и наяву». Что касается «игры в бирюльки», то из романа мы узнаём, что так называлась игра со спичками, которую кое-где в России любили не то в начале, не то в середине XX века. Высыпать спички кучкой из коробка на стол и посмотреть, сколько спичек ты сможешь вынуть без того, чтобы рухнула или пошевелилась вершина спичечной пирамидки. Здесь опять намёк на то, что «Игра в бирюльки» это не просто роман идей, но роман

структуры идей (или их «гаммы»). Какие мысли и убеждения базовые, и какие надстроечные, и что на чём держится — подобно тому, как в кучке спичек есть такие, которые можно легко вынуть, но есть те, на которые опираются остальные.

Этот роман я советую прочесть всем, кто ещё с ним не знаком, и тем, кто ещё не понял, что такое русская тема сегодня и завтра. К этой идее русскости уже подходил Кутузов и в предпоследнем своём романе, «Право быть» (1990). Я немного писал об этом в статьях «Русский писатель» (2002) и «Петербургская проза: об окне в Европу, которое должно быть закрыто?» (2003).

В этом романе Кутузов развивает мотив жизни в эвакуации во время Великой Отечественной войны. Главный герой — Шумилов, директор эвакуированного в глубинку ленинградского оборонного завода. Вместе с заводом в русскую глушь переместился и весь общественный строй, в который Шумилов закован как в броню, у него нет ни полувздоха свободы. Вот только жена его пропала без вести, и у Шумилова всё-таки начинается роман с плановичкой, со специалисткой этого же завода. Флирт не без поездок в деревню, чуть ли не на тройке в санях... Вернее, ни флирта по-настоящему нет, ни поездок, ни троек; но лишь одна мысль и некоторые приготовления к этому заставляют Шумилова всего лишь на какие-то минуты или часы забыть о работе, и производственная дисциплина даёт сбой: происходит ЧП, авария, а скорее — провокация, за которой маячит уже совсем иная, расстрельная *тройка*. Итак, от железной советской дисциплины — ни на шаг, ни на полшага! Но кто же организует это ЧП — провокацию? Люди с русскими, в общем-то, фамилиями (Блинкин, Гераськин), но с категорически не русской моделью поведения, и об этих людях позволительно спросить: а они-то сами так ли уж неукоснительно соблюдают «советскую дисциплину»? Или это только русскому человеку не позволено даже на полшага отступить от неё, а другим — пожалуйста?

На столь кричащей ноте не хотелось бы заканчивать эту статью, однако и другие аккорды и ноты сейчас искать было бы неверно. Евгений Кутузов прожил свою жизнь, можно сказать, на крике, хотя много в его прозе и спокойной грусти. Грусть — это больше ленинградское, крик, наверное, всё-таки — русское.